

*Кафедра славянских языков и культур факультета
иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова*

*Центр междисциплинарных исследований
славянской книжности Института славяноведения
Российской академии наук*

*Институт славянской культуры
РГУ имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)*

Славия:

история, культура, язык

**Студенческая научно-практическая конференция с
международным участием**

в рамках Дней славянской письменности и культуры

16 мая 2023 г.

ТЕЗИСЫ

Программный комитет:

Запольская Н.Н. – д.ф.н., зав. кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, в.н.с. Института славяноведения РАН

Узенёва Е.С. – к.ф.н., заместитель директора Института славяноведения РАН, руководитель научно-образовательного центра славистических исследований

Организационный комитет:

Белоусова В.В.

Вучкович Е.С.

Гливинская В.Н.

Запека О.А.

Иванова И.Е.

Осипова О.А.

Переволочанская С.Н.

Семакина Т.Р.

Сергунина М.Н.

Шапкина О.Н.

Модераторы конференции:

Осипова О.А.,

Сергунина М.Н.

Славия: история, культура, язык. Сб. тезисов студенческой научно-практической конференции с международным участием (16 мая 2023 г., Москва) / Отв. ред.: Н.Н. Запольская, Е.С. Узенева. Сост., ред.: О.А. Осипова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 55 с.

Сборник содержит тезисы участников V студенческой научно-практической конференции «Славия: история, культура, язык», состоявшейся 16 мая 2023 года.

ISBN 978-5-7576-0486-2
DOI 10.31168/7576-0486-2

© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ:

СЕКЦИЯ «ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Белова Наталья , Seznam zakázaných knih jako nástroj rekatolizace Českých zemí.....	4
Бабоша Иван , Tożsamość rosyjskiego agenta polskiego pochodzenia Juliana Bałaszewicza...	7
Пшеничный Александр , Rola działalności misjonarskiej w kształtowaniu tożsamości metropolity Andrzeja Szeptyckiego	11
Липай Владислав , Samoidentyfikacja Polaka w służbie rosyjskiej (na podstawie pamiątek Osipa Przeclawskiego)	13
Потоцкая Софья , Польский вопрос в интерпретации В. И. Ленина (1895–1914 гг.).....	15
Давыденко Полина , Wpływ architektury Wersalu na architekturę Europy Środkowej na przykładzie polskich zabytków	17
Емцова Анастасия , Ruská emigrace v Československu (1920-1930): problémy adaptace mladé generace	19
Анисимов Алексей , Формирование и развитие чехословацко-монгольского экономического сотрудничества (1950-1976)	21
Сосина Лада , Hodnocení ruských divadel první vlny emigrace v českých médiích	24
Вострикова Мария , Obrazy J. Kubiše a J. Gabčíka ve filmech Atentát (1964) a Anthropoid (2016)	26
Кондратьева Алиса , Понятие концепта. Особенности концепта «совесть» в русской и чешской лингвокультурах	28
Горлова Анна , Контрастивный анализ в изучении чешского языка на базе русского и английского: интерференция и трансференция	30
Севирикова Алина , Moderní vzdělávací programy Ruska a Česka: standard nebo prostor pro svobodu?	34
СЕКЦИЯ «ЮЖНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ»	
Вандерштерн Лири , Празниците на България като елемент на културна памет	37
Хаткевич Анна , Образ Болгарии в современном болгарском кинематографе	39
Анцупова Валерия , Умалителни форми на личните женски имена в съвременния български език	41
Прокопенко София , Политика Сербии в Косове и Метохии и сербо-албанские отношения в конце XIX - начале XX вв.	44
Аль-Сальхадии Мария , Церковь и религия у сербов во второй половине XIX века	46
Толстихин Тимофей , Специфика русско-сербских взаимоотношений в межвоенный период 1918 - 1941 г.	48
Мишчаненко Дмитрий , Гувернаторат Далмација за време Другог светског рата (1941-1943)	51
Рябчикова Татьяна , Функции и роль цветowych лексем в романе Милоша Црњанског «Дневник о Чарноевиче»	53

СЕКЦИЯ “ЗАПАДНАЯ СЛАВИЯ И РОССИЯ”

Наталья Белова

*Исторический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
nrbelovaa@yandex.ru*

Seznam zakázaných knih jako nástroj rekatolizace Českých zemí

V centru pozornosti tohoto příspěvku je seznam zakázaných knih (Index Bohemicorum Librorum Prohibitorum), sestavený v 18. století jezuitou Antonínem Koniášem pro České země. Tento seznam pokračuje v tradici indexů zakázaných knih, vydávaných katolickou církví, z nichž první pochází z roku 1564.

Reformace, která začala v 16. století, přivedla ke konfesnímu rozdělení Evropy, katolíci a protestanti proto potřebovali oddělit své vyznání od ostatních. Tento proces dostal název konfesionalizace, tuto teorii rozvíjeli němečtí historici E. W. Zeeden, H. Schilling a W. Reinhard [Prokopjev, 2004].

Aby katolická církev byla schopna reagovat na výzvy doby musela na jedné straně bojovat proti šíření reformačních myšlenek, a na druhé straně provádět vnitřní reformu. V těchto podmínkách získala kontrola čtení velký význam a mohla fungovat jako nástroj konfesionalizace. Pomocí knih bylo možné šířit katolickou víru a zakotvit v myslích věřících doktrínu schválené tridentským koncilem. Zároveň prostřednictvím nekatolických spisů pronikaly "kacířské" myšlenky, což činilo knihy vážnou hrozbou pro katolickou církev a vyvolalo potřebu zakázat řadu děl.

Index zakázaných knih byl po roce 1564 několikrát doplňován a upravován, zahrnoval všechny spisy, ve kterých katolická cenzura zjistila teologické chyby nebo zasahování do morálních norem. Tyto knihy byly zakázány k publikování, distribuci a čtení. Proč se Antonín Koniáš rozhodl sepsat ještě jeden seznam pro České země? Po bitvě na Bílé hoře (1620) v Českých zemích začala všeobecná a násilná rekatolizace, která předpokládala návrat nekatolického obyvatelstva do lůna katolické církve. Koncem 17. století celá populace oficiálně konvertovala ke katolicismu, ale zůstali tajní nekatolíci, kteří představovali hrozbu pro katolickou církev. Počet tajných nekatolíků, jak poznamenává J. Mikulec, dokonce v první dekádě 18. století vyrostl. Někteří vědci navíc hovoří o nové vlně rekatolizace na počátku 18. století, jejíž hlavní složkou byl právě boj proti "kacířským" knihám [Mikulec, 2013: 275].

Antonín Koniáš, misionář a kazatel z Tovaryšstva Ježíšova, byl dlouho považován za jednu z nejvíc odiózních a nejtemnějších postav v českých dějinách. Byl známý bojem proti nekatolické literatuře, osobně zabavil a zničil několik tisíc knih. Koniáš během své činnosti sestavil dvě verze seznamu zakázaných knih s názvem " Klíč Kacířské Bludy", které se později dostaly na index. Byl vydán v roce 1770, už po smrti jezuita.

Index Bohemicorum Librorum Prohibitorum se skládá ze samotného seznamu knih uspořádaných podle abecedy a několika úvodních textů uvedených v latině a v překladu do češtiny. Seznam je dost velký, zabírá 309 stran ze 405. Kromě samotného seznamu zakázaných spisů je v knize poselství papeže Klimenta XIII., které vyjadřuje obavy z neopatrného vztahu ke knihám, a také maejstáty Karla VI. a Marie-Terezie. Císařovna poukázala na to, že "kacířskou" literaturu mohli šířit nejen protestantští kazatelé, ale také nekatoličtí emigranti, kteří odešli do sousedních německých zemí a pak se rozhodli vrátit se do Česka. Úvodní texty svědčí o obavách nejvyšší církevní i světské moci z šíření škodlivých knih v Českých zemích. V indexu bylo také uvedeno, jak přísně katolická církev zakazuje "kacířské" knihy. Koniáš zdůrazňuje, že literatura nemůže být vydávána bez dovolení církevních úřadů. Netýká se to jen základů víry, ale také spisů, které schvalují tělesné potěšení a světské zábavy, tj. přiklání člověka k hříchu [Koniáš, 1770: 66]. Přítomnost takového textu ukazuje, že seznam měl mít praktické využití, úvodní text měl sloužit jako návod pro vydavatele knih, kazatele a misionáře.

Obrátme se na obsah Indexu zakázaných knih. Za prvé, seznam zahrnoval spisy obsahující základy nekatolických vyznání (vyznání víry Jednoty bratrské, všechna vydání textu "České konfese" z roku 1575). Za druhé, byly zakázány spisy nekatolických autorů, českých a německých, protože právě tyto knihy byly v Českých zemích nejběžnější. Na seznam se dostaly například spisy Jana Amose Komenského ("Labyrint světla a ráj srdce", "Cvičení zbožnosti" a řada jiných děl). Knihy katolických spisovatelů, které vzbuzovaly podezření u cenzorů a nebyly zcela korektní ve výkladu katolických doktrín, také byly na seznamu.

Většinu indexu tvořily texty zaměřené na široké vrstvy společnosti. Jde především o homiletickou literaturu. Význam kázání byl zdůrazněn na Tridentském koncilu, který udělal kázání povinností farářů [Tridentský koncil, 2019: 35 – 36]. Cenzura se navíc velmi pečlivě zabývala sbírkami duchovních písní a modliteb, spisy

věnovanými zásadním morálním problémům nebo vysvětlením biblických námětů prostému obyvatelstvu. Tyto knihy představovaly největší nebezpečí pro katolickou víru, protože jejich cílem bylo ovlivnit vědomí věřících, aby vytvořit potřebné autorům představy a modely chování. Jiný výklad biblických námětů mohl u věřícího vytvořit nesoulad s výkladem, který slyšel během kázání v církvi, a odtrhnout ho od katolické víry.

Zvláštní pozornost byla věnována hlavním bodům náboženského života člověka – zpovědi a přijímání. Konfesionalizace vyžadovala vědomé začlenění věřících do církevního života, pochopení nejen základů víry, ale také významu církevních obřadů. Proto se do seznamu dostalo například "Vysvětlení křesťanských otázek ke zpovědi sestavené Lutherem", napsané luteránským teologem Karlem Gottliebem Hofmanem [Koniáš, 1770: 102]. Nejdůležitější pro České země byla otázka kalicha. Tento problém se akutně objevil v období husitského hnutí a byl aktualizován reformací. Koniáš proto na seznam zařadil řadu spisů, které zdůvodňují nutnost přijímání pod obojí.

Některé knihy v indexu na první pohled nevyvolávají podezření. Například dílo luteránského kazatele Adama Trajana o příčinách moru [Koniáš, 1770: 351]. Zdá se, že toto téma nesouvisí s šířením kacírství, ale kniha mohla obsahovat nepřijatelné pro katolickou církev vysvětlení morové epidemie, která měla vždy náboženskou konotaci, a argumenty založené na protestantské interpretaci biblických námětů.

Pečlivá pozornost ke každodennosti umožňuje charakterizovat rekatolizaci Českých zemí jako hluboký a složitý proces, který měl za cíl nastavit komplexní kontrolu nad životem a vědomím věřících, vytvářet u nich představy o základech víry a určité modely chování. Knihy samozřejmě nebyly dostupné pro celou populaci, zdaleka ne všechny byly vzdělané. Ale myšlenky obsažené v textech kázání byly vysílány kněžími, a proto kázání představovalo největší hrozbu pro šíření katolicismu a boj proti kacírství.

Analýza seznamu umožňuje dospět k závěru, že v konfesní éře se církev a sekulární moc snažily o hlubší a uvědomělejší religiozitu obyvatelstva, k čemuž měla přispět kontrola čtení. Index zakázaných knih v tomto případě fungoval jako jeden z nástrojů rekatolizační politiky, zejména v 18. století, kdy se obyvatelstvo Českých zemí oficiálně stalo katolickým.

Список литературы

1. Koniáš A. Index Bohemicorum Librorum Prohibitorum, et Corrigendorum: Ordine Alphabeti digestus, Reverendissimi S. R. I. Principis Antonii Petri Archi-Episcopi Pragensis jussu collectus, atque editus. Praha, 1770.
2. Mikulec J. Náboženský život a barokní zbožnost v českých zemích. Praha: Grada, 2013.
3. Прокопьев А.Ю. Введение. Реформация. Контрреформация, Конфессионализация // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой научной конференции 14-16 ноября 2000 г. / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004.
4. Тридентский Собор: каноны и декреты. СПб.: Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица апостолов», 2019.

Иван Бабоша

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
ivanbabosha@yandex.ru*

Tożsamość rosyjskiego agenta polskiego pochodzenia Juliana Bałaszewicza

Julian Bałaszewicz (ur. 1831, zm. po 1877 r.) był wybitnym rosyjskim szpiegiem polskiego pochodzenia z lat 60–70. XIX w., którego działalność w środowisku polskiej emigracji pod maską hrabiego Alberta Potockiego jest nieźle opisana w literaturze [Абакумов, 2008: 126–144]. Niemniej jednak dotychczas nie zwracano uwagi na jego tożsamość i światopogląd. Zwykle uważa się, że ten wywodzący się z drobnej szlachty wileńskiej handlarz antykami był „renegatem narodowym”, który kierował się wyłącznie chęcią zysku [Gerber, 1973: 5–78]. Wydaje się, że w rzeczywistości wybór tożsamości przez polskich poddanych rosyjskiego cara w XIX w. nie da się rozpatrywać wyłącznie w kategoriach binarnej opozycji „bohater narodowy” – „zdrajca narodu polskiego”.

Celem niniejszych rozważań jest próba rekonstrukcji tożsamości Bałaszewicza na podstawie trzech elementów: jego wizji ówczesnego społeczeństwa polskiego,

jego stosunku do Imperium Rosyjskiego oraz jego poglądów ideowych. Takie aspekty tożsamościowe można wydedukować z raportów agenturalnych Bałaszewicza, jak też z jego spuścizny literackiej.

Warto przyrzeć się jednemu z amatorskich wierszy Bałaszewicza, „Magnat w stolicy” (1855 r.) [Bałaszewicz, 1860: 1–11]. Liryczny bohater, z którym oczywiście utożsamia się autor, jest zaściankowym, lecz uczciwym szlachcicem. Ta postać jest przeciwstawiona pewnemu polskiemu hrabiemu, który prowadzi próżniacze życie w petersburskich salonach. Drobny szlachcic zwraca się ku temu magnatowi z ofertą sprzedaży dwóch złotych antycznych medali, żeby oddać uzyskane pieniądze biednemu rodakowi, który wpadł w tarapaty i poprosił bohatera o pomoc. Jednak hrabia pod różnymi pretekstami ciągle odmawia audiencji. Przy tym swoje odmowy zarozumiały arystokrata przekazuje nie osobiście, a przez lokaja.

Wiersz kończy się gniewną tyradą bohatera. On podkreśla, że jest „szlachcicem i z dawnego rodu”, którego przodkowie nie byli wasalami „dumnych magnatów, oprawców ojczyzny”. Według szlachcica ci magnaci otrzymali swoje hrabiowskie korony niezasłużenie („za przejście wpływ suchego brodu”). Aroganckim manierom takich hrabiów bohater przeciwstawia uprzejme zachowanie rosyjskiego cesarza, który nie gardzi drobną szlachtą („Ja u monarchy miałem posłuchanie, a tu panisko daje harde zdanie”) [Bałaszewicz, 1860: 10].

W tym wierszu jest wyraźnie podkreślona myśl, że próżni magnaci (czyli najwyższa warstwa polskiego społeczeństwa) nic nie robią na korzyść kraju i swoich własnych rodaków. Ta wizja nasuwa pewne skojarzenia z „Lalką” B. Prusa. Jak i Bałaszewicz, Stanisław Wokulski też wywodził się z zubożałej szlachty i dzięki własnej pracy został skutecznym kupcem. Lecz podobnie jak przyszedł szpieg rosyjski, on nie został „swoim człowiekiem” w środowisku próżniaczej magnaterii mimo wszystkich wysiłków i talentów. Z tego punktu widzenia wersja „narodowej zdrady” Bałaszewicza nie wydaje się wiarygodną. Od swoich narodzin on był poddanym cara i nie składał przysięgi na wierność jakiegokolwiek ruchowi narodowemu. Można przypuszczać, że służba Rosyjskiemu Imperium była dla niego lepszą alternatywą, żeby otrzymać awans społeczny w istniejących warunkach.

Oprócz magnaterii Bałaszewicz nienawidził tzw. „komunistów”, czyli przedstawicieli rewolucyjno-demokratycznego skrzydła polskiej emigracji. W raporcie od 27 listopada 1862 r. on pisał, że „cała emigracja – to banda

kosmopolitów, najnikczemniejszych, najlichszych ludzi”. Według agenta polscy rewolucjoniści „...wyrywając z ramion matek spod ojczywego dachu niedoświadczoną młodzież w rozkwicie lat, pełną entuzjazmu – napawają oczy krwawymi wynikami swych podłych planów” [Potocki, 1973. T.1: 252].

Znamienne jest to, że Bałaszewicz opowiadał się za rusyfikacją litewsko-białoruskich guberni Zachodniego kraju przy pomocy kolonizacji tych terenów przez rosyjskie kupiectwo, a nie przez ziemiaństwo, jak to często proponowała biurokracja cesarska. W londyńskim raporcie od 7 września 1866 r. agent argumentował swoje rozwiązanie w następujący sposób:

„Przekazanie majątków ziemskich w ręce Rosjan nie odniesie pożądanego skutku, ponieważ obszarnik w środowisku obcej mu ludności będzie z konieczności zmuszony do korzystania z usług zarządcy pochodzącego z tamtejszych okolic, znającego język i kraj. Tymczasem zaś zaludniając miasta przez Rosjan i przekazując w ich ręce handel tego kraju [osiągniemy to, że] wszyscy mieszkańcy, chcąc nie chcąc, zaczną mówić po rosyjsku. Przykładem może być sklepik Popowa. Popow, który osiedlił się w Wilnie wraz z rosyjskimi sprzedawcami, zmusił tamtejszych mieszkańców do mówienia po rosyjsku” [Potocki, 1973. T.2: 93].

Biorąc pod uwagę, że mniemany hrabia był handlarzem antykami, to odniesienie do ważnej roli kupiectwa nie wydaje się przypadkowym. Wszystkie wyżej wymienione przykłady wyraźnie wskazują, że według Bałaszewicza to właśnie klasa przedsiębiorców stanowiła skuteczne narzędzie postępu społecznego, podczas gdy arystokracja nie sprzyjała jakimkolwiek rozwojowi. Z drugiej strony, rewolucjoniści byli tak samo szkodliwi, ponieważ oni dążyli (z punktu widzenia carskiego szpiega) wyłącznie do zniszczenia ustroju społecznego. Stąd może wynikać przypuszczenie, że przynależność do burżuazji stanowiła integralny składnik jego tożsamości.

W pewnym sensie taki pogląd odzwierciedla popularnonaukowa publicystyka Bałaszewicza – nauka amatorska była jednym z jego głównych zainteresowań (na równi z ww. antykami). W 1868 r. pod pseudonimem swego alter ego Alberta Potockiego on napisał po francusku broszurę z gatunku filozofii naturalnej „Poznaj siebie. Etiudy o naturze”, która w 1877 r. została wydana na nowo z dedykacją dla patrona Bałaszewicza, wielkiego księcia Konstantego Mikołajewicza (brata cara Aleksandra II). Główną ideą tej napisanej w duchu pozytywizmu Augusta Comte’a

pracy było to, że dzięki wielkim odkryciom czasów nowożytnych ludzkość wstąpiła na drogę „Postępu” i „prawdziwej Cywilizacji”. Niemniej jednak tym osiągnięciom cywilizacyjnym grożą szaleńcze ataki „Ignorancji”. Celem pokoleń XIX w. jest zatem „obrona” wszystkich tych osiągnięć [Potocki, 1877: 7].

Jest możliwe, że pod obrazem tej „Ignorancji” kryli się zniechęceni przez Bałaszewicza polscy arystokraci i rewolucjoniści. Pierwsza grupa z jego punktu widzenia była klasą reakcyjną i pasożytniczą, druga zaś stanowiła narzędzie destrukcyjnego chaosu. W sytuacji zaborów XIX w. Bałaszewiczowi mogło się wydawać, że jedynym środkiem osiągnięcia postępu społecznego i przeciwstawienia się tym „ignorantom” były uczciwa praca i wierne służenie cesarzowi.

Reasumując, carski szpieg był przeciwnikiem zarówno awanturnictwa rewolucyjnego, które osłabiało siły polskiego społeczeństwa, jak i niezаслужonych przywilejów stanowych polskiej magnaterii, która doprowadziła kraj do upadku. To był pragmatyczny pozytywista w duchu „pracy organicznej”, któremu współpraca z rosyjskim caratem wydawała się korzystniejsza niż konfrontacja. Dla Bałaszewicza zatem tożsamość obywatelska (burżuazyjna) jako poddanego Rosji była ważniejsza od tożsamości etnicznej (jako Polaka) i stanowej (jako szlachcica).

Список литературы:

1. Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 126–144.
2. Bałaszewicz J. Niezabudki z brzegów Newy. Moskwa, 1860.
3. Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku / Raporty szpiega. T. 1. Warszawa, 1973. S. 5–78.
4. Potocki A. Raporty szpiega. T. 1–2. Warszawa, 1973.
5. Potocki A. Nosce te ipsum. Études d’après nature. Paris, 1877.

Александр Пшеничный

Исторический факультет Московского государственного университета имени

М.В. Ломоносова

pshenichniy-michail@mail.ru

Rola działalności misjonarskiej w kształtowaniu tożsamości metropolity Andrzeja Szeptyckiego

Metropolita Andrzej Szeptycki jest bez wątpienia jedną z najbardziej odpowiednich postaci do podjęcia zagadnienia tożsamości, ponieważ ten problem był w centrum jego działalności. W tym względzie można rozważyć trzy aspekty: 1) tożsamość osobowa Andrzeja Szeptyckiego; 2) zmiany, które chciał osiągnąć Szeptycki w tożsamości innych ludzi; 3) narzędzia, za pomocą których zamierzał dokonać tych zmian. Narzędzia te podzielić można na zewnętrzne (niezwiązane z osobą – np. publikacja czasopisma) i wewnętrzne (publiczna samoidentyfikacja). Tę ostatnią będziemy nazywać „tożsamością misjonarską”. Zaczniemy od drugiego aspektu (zmiany). W tym przypadku to było uznanie władzy papieża nad wszystkimi chrześcijanami, wszystkimi ludźmi – innymi słowy – tak, aby każdy stał się katolikiem. Trzeci aspekt: narzędzia. Wykorzystywały się zgodnie z formułą Pawła Apostoła: „Tak więc nie zależąc od nikogo, stałem się niewolnikiem wszystkich, aby tym liczniejsi byli ci, których pozyskam. Dla Żydów stałem się jak Żyd, aby pozyskać Żydów. Dla tych, co są pod Prawem, byłem jak ten, który jest pod Prawem - choć w rzeczywistości nie byłem pod Prawem - by pozyskać tych, co pozostawali pod Prawem. Dla nie podlegających Prawu byłem jak nie podlegający Prawu - nie będąc zresztą wolnym od prawa Bożego, lecz podlegając prawu Chrystusowemu - by pozyskać tych, którzy nie są pod Prawem. Dla słabych stałem się jak słaby, by pozyskać słabych. Stałem się wszystkim dla wszystkich, żeby w ogóle ocalić przynajmniej niektórych” (1 Kor 9, 22) .

Cytat ten odsłania istotę idealnej tożsamości misjonarskiej: misjonarz, aby zmienić w tożsamości innej osoby jeden element, który uważa za kluczowy (w tym przypadku – chrześcijaństwo), jest gotów zaakceptować wszystkie inne elementy tożsamości tej osoby w takim zakresie, w jakim nie są one sprzeczne z kluczowym. Tzn. tożsamość misjonarska to taka, która jest świadomie przyjmowana, zgodnie z odpowiednimi celami.

Referat opiera się na listach pasterskich i osobistej korespondencji metropolity Andrzeja Szeptyckiego [Митрополит, 1998; Митрополит, 2004], a także na świadectwie źródeł cytowanych przez prof. M. Nowak w jej monografii „Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865-1914” [Nowak, 2018].

Tożsamość misjonarską Szeptyckiego można podzielić na właśnie misjonarską (skierowaną do niekatolików) i duszpasterską (służącą do trzymania katolików w płocie cerkiewnym, czyli wiernych Szeptyckiego – grekokatolików, Rusinów galicyjskich). Czynnikiem ułatwiającym Szeptyckiemu akceptację tożsamości etnicznej swego stada była przynależność rodziny Szeptyckich do formacji *gente Rutheni - natione Poloni*, której cechą było połączenie z jednej strony zachowywanej w rodzinie pamięci o ich szczególnym pochodzeniu, a z drugiej strony wysuwanie na pierwszy plan w przestrzeni publicznej zasług rodziny w dawnej Rzeczypospolitej, co pozwoliło na utrzymanie wysokiej pozycji w hierarchii społecznej monarchii habsburskiej.

Niezwykłość planów metropolity Andrzeja podkreślił ormiański katolicki arcybiskup lwowski Józef Teodorowicz w wywiadzie dla korespondenta The Times w 1913 r.: „A czy zauważył pan” – zapytał korespondenta, – „Że X. Szeptycki ma wielkie rzuty, plany daleko idące, sięgające do Petersburga?” Dziennikarz odpowiedział: „A prawda – zauważyłem i to. A skąd to?” – „Bo to był misjonarz” – odparł Teodorowicz [Nowak, 2018: 515].

Список литературы

1. Митрополит Андрей Шептицький: Життя і Діяльність. Документи і Матеріали 1899–1944. Т. 2. Церква і суспільне питання. Кн. 1. Пастирське вчення та діяльність / Ред. А. Кравчук. Львів: Видавництво «Місіонер», 1998.
2. Митрополит Андрей Шептицький: Життя і Діяльність. Документи і Матеріали, 1899–1944. Т. 3. Митрополит Андрей Шептицький і греко-католики в Росії. Кн. 1. Документи і матеріали, 1899–1917 / Ред. Ю. Аввакумов. Львів: Видавництво УКУ, 2004.

3. Nowak M. Dwa światy. Zagadnienie identyfikacji narodowej Andrzeja Szeptyckiego w latach 1865–1914. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018.

Владислав Лунай
*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(исторический факультет, бакалавриат)*
vllipa@mail.ru

Samoidentyfikacja Polaka w służbie rosyjskiej (na podstawie pamiętników Osipa Przeclawskiego)

Rosyjski urzędnik i dziennikarz polskiego pochodzenia Osip Antonowicz Przeclawski (1799-1879) jest przykładem współpracy rosyjsko-polskiej w wieku XIX. Co jest szczególnie ważne, pozostawił po sobie pamiętniki, chronologicznie obejmujące okres lat 1810-1860. Są one wyczerpującym źródłem dla rekonstrukcji tożsamości lojalnego wobec rosyjskiej władzy Polaka.

Osip Antonowicz Przeclawski urodził się w 1799 roku w mieście Różany w guberni grodzieńskiej. Osip Antonowicz należał do polskiego szlacheckiego rodu herbu Glaubicz i po urodzeniu otrzymał imię Józef Emanuel Przeclawski. Decydującym dla niego okazał się rok 1822. Z powodu sprawy sądowej wuja wyjechał do Sankt Petersburga, gdzie mieszkał i pracował przez następne 40 lat. W 1824 roku wstąpił do służby jako urzędnik w Ministerstwie Spraw Wewnętrznych. W 1829 roku wszedł w skład Komisji do spraw budowy Soboru św. Izaaka. Polskie powstanie listopadowe (1830-1831) biurokrata Osip Antonowicz Przeclawski potępił. Od 1833 roku pracował w Komisji do rewizji i sporządzania praw Królestwa Polskiego. Jeszcze w 1829 roku zaczął wydawać gazetę „Tygodnik Petersburski”, która otrzymała status oficjalnej gazety Królestwa Polskiego. W latach 1853-1865 Osip Antonowicz zajmował stanowiska w urzędach cenzury. Po przejściu na emeryturę osiadł w guberni Twerskiej.

Pamiętniki Osipa Antonowicza pokazują, że mentalnie ich autor pozostawał Polakiem z ziem historycznej Litwy. Wychowanie, szkolenie, a nawet stołeczne życie biurokraty odbywało się w warunkach jego przebywania wśród Polaków. W

Petersburgu wchodził do środowiska ludzi związanych z Polską. Wśród nich byli I. L. Turkul, F. K. Drucki-Lubecki, A. Mickiewicz i wielu innych. Po 1830 roku Osip Antonowicz wyrzeka się rebeliantów i emigracji, ale nie lojalnych wobec Rosji Polaków. Podział na "koroniarzy" i "Litwinów" nie jest dla niego znaczący, chociaż istnieje. Jako działaczy sztuki wyróżnia A. Mickewicza, A. Orłowskiego i I. Oleszkiewicza. A. S. Puszkina, również pierwszy poeta swojego narodu, był dla autora wyraźnie gorszy od Mickiewicza. Wreszcie Osip Antonowicz pozostawał wiernym katolikiem.

Społeczeństwo rosyjskie było obce dla Osipa Antonowicza. Umieszczone w pamiętnikach, najbardziej zauważalne oceny rosyjskich działaczy są bardzo skandaliczne ze względu na ich negatywny charakter. Jednak osobista niechęć Przeclawskiego do poszczególnych osób nie dotyczy absolutnie wszystkich Rosjan. Najważniejsze, że poza krytyką pozostaje władza i cały system imperialny, który przez długi czas był żywicielem Osipa Antonowicza.

W mentalności O. A. Przeclawskiego nie ma znaczących śladów rusyfikacji kulturowej. Nawet po czterdziestu latach służby w stolicy Imperium Rosyjskiego on faktycznie pozostaje polskim szlachcicem, "Litwinem". Oczywiście przyjmuje język rosyjski i przyzwyczajają się do życia w stolicy, ale zachowuje więzi społeczne i kategorie myślenia. Osip Antonowicz był częścią "polskiego lobby" Sankt Petersburga. Integracja jego ze społeczeństwem rosyjskim była ograniczona przez ramy polskiego kręgu i znajomości zawodowych.

Osip Antonowicz Przeclawski jednak pozostał lojalnym urzędnikiem Imperium Rosyjskiego. On zdecydowanie zrywa z obozem Polaków-powstańców, wybiera prorządową postawę. Możliwe przyczyny polityczne, społeczne i ekonomiczne okazały się decydującym czynnikiem dla takiej osoby, której mentalność nie opiera się na ideach niepodległej Polski w granicach 1772 roku. W tym przypadku osobiste urazy i różnice kulturowe mogą zniknąć na dalszym planie. Wydaje się, że na podobnych podstawach możliwe jest dalsze zbliżenie polsko-rosyjskie w ramach pokoleń, oparte na duchowej wymianie i wzajemnej znajomości.

Список литературы:

1. Пржецлавский О. А. Воспоминания // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 29-475.

Софья Потоцкая

*Исторический факультет Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова
spototskay@mail.ru*

Польский вопрос в интерпретации В. И. Ленина (1895–1914 гг.)

Raport na podstawie dokumentów W. I. Lenina stanowi studium problemu wczesnej interpretacji kwestii polskiej przez Lenina od końca XIX wieku i do początku pierwszej wojny światowej. Raport poświęcony jest głównym etapom interakcji Lenina z Polską i polskimi partiami socjalistycznymi SDKPiL i PPS w latach 1895–1914. Szczególną uwagę zwraca na osobiste poglądy Lenina na rozwój społeczno-gospodarczy Polski przed pierwszą wojną światową. Ukazane są relacje między Leninem a członkami SDKPiL, podobieństwo ich interpretacji kwestii polskiej i rozwijający się konflikt frakcyjny. Analizowane są kluczowe punkty rozbieżności w stanowiskach Lenina i przywódców PPS wokół kwestii narodowej oraz teraźniejszości i przyszłości rewolucyjnej Polski.

Растущая доля пролетариата в польском обществе в конце XIX – начале XX вв. изменила постановку польского вопроса. Противоречия в путях освобождения Польши обусловили борьбу в рабочем движении края, которое представляли СДКПиЛ и ППС. В. И. Ленин как видный представитель российской социал-демократии принимал активное участие в их полемике.

Первые товарищи из Королевства Польского появились у Ленина во время его пребывания в ссылке в селе Шушенское. Во время революции 1905–1907 гг. Ленин приветствовал забастовочное движение в крае, отмечал героизм польских рабочих на баррикадах Варшавы и Лодзи и заключал об укреплении польско-российского революционного союза [Ленин, 1990: 28]. Эмиграция в Кракове в 1912–1914 гг. позволила Ленину непосредственно узнать об условиях жизни на польской земле. Однако он был вынужден столкнуться с следующими трудностями: незнание польского языка, настороженное отношение местных жителей и, наконец, его арест австро-венгерской полицией по доносу в августе 1914 г.

Наиболее идейно близкими к Ленину были представители СДКПиЛ. Он высоко ценил их верность принципам пролетарского интернационализма [Ленин, 1990: 249]. Несмотря на то, что ее лидеры отказывались поддерживать постулат о праве наций на самоопределение, СДКПиЛ стала частью РСДРП при сохранении автономии, что находило положительный отклик у Ленина. Одновременно отношения между большевиками и меньшевиками неуклонно ухудшались. Члены СДКПиЛ взяли на вооружение принцип фракционного баланса. Это вызывало раздражение у Ленина, не терпевшего несогласия с его позицией. Главной проблемой в взаимоотношениях между ним и СДКПиЛ оставался национальный вопрос: Ленин настаивал, что признание российскими марксистами права на самоопределение не означает запрет на пропаганду против отделения со стороны марксистов угнетенной нации. Иначе говоря, иррациональна не пропаганда против отделения, а отрицание права на отделение. Не желая искать компромиссы с проявлявшим самостоятельность руководством СДКПиЛ, Ленин объявил об исключении этой партии из РСДРП. Вместе с тем СДКПиЛ сама переживала фракционный кризис: последователи крайних организаций поддерживали ленинские принципы. Они выступали против ухудшения отношений с большевиками и настаивали на недостаточной поддержке Ленина в фракционной борьбе с меньшевиками со стороны Главного правления. Ленин стал главным защитником розламовцев, обрушиваясь на Главное правление с обвинениями в самоуправстве. Однако незадолго до начала Первой мировой войны розламовцы перешли к ликвидаторам, о чем Ленин сожалел.

В 1895–1914 гг. отношения между Лениным и представителями ППС отличались стабильностью: он никогда не поддерживал ни политические принципы, ни националистические замыслы, ни презрительное отношение ППС к российскому рабочему движению [Ленин, 1990: 43]. Для ее лидеров социализм имел практические цели, так как он служил строительству польского государства в границах 1772 г. Ленин считал недопустимым такое приспособление социализма к национализму: он не отрицал право ППС пропагандировать создание независимого польского государства, однако и не обещал безусловной поддержки этой идеи. Глубокие противоречия между Лениным и лидерами ППС имелись в аграрном вопросе: он болезненно

относился к предложениям по сохранению мелких земельных хозяйств, аренде и социальному страхованию. Ситуация не изменилась после разделения ППС на два течения – фракцию и левицу. Левица отошла от националистической риторики, однако Ленин ее не признал: негативное отношение было обусловлено ее стремлением примкнуть к РСДРП через посредничество меньшевиков, без одобрения СДКПиЛ, и отрицанием ленинского тезиса о праве наций на самоопределение.

В 1895–1914 гг. отношения Ленина с Польшей и польскими социалистическими партиями развивались скачкообразно – от дружественных связей до взаимной неприязни. Тогда Ленин еще не сформулировал собственное решение польского вопроса, а лишь давал ответы на возникающие проблемные ситуации в польском рабочем движении.

Список литературы:

1. Ленин о Польше и польском рабочем движении. Статьи, речи, документы, письма. М.: Политиздат, 1990.

Давыденко Полина

*Исторический факультет Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова*

[*polinadavydenko5@gmail.com*](mailto:polinadavydenko5@gmail.com)

Wpływ architektury Wersalu na architekturę Europy Środkowej na przykładzie polskich zabytków

Wersal to zespół pałacowo-parkowy, który wywarł niezwykle znaczący wpływ na rozwój klasycyzmu jako stylu międzynarodowego i posłużył jako pierwowzór dla wielu budowli w całej Europie. Należy rozumieć, że stopień oddziaływania francuskiego pierwowzoru różnił się znacznie w zależności od regionu.

Architekturę Rzeczypospolitej XVIII wieku wyróżniała szczególna aktywność klientów: każdy szlachcic czy magnat chciał mieć własną rezydencję. Właściciele niektórych z tych dworów dużą wagę przywiązywali do tego, co mają wyrażać, o czym świadczyć te pałace, dążyli do podkreślenia własnego statusu i poziomu

wykształcenia, w niektórych przypadkach takie naśladownictwo było jedynie modą i miało świadczyć o wyrafinowanym guście właściciela. Za jeden z najbardziej wzorowych przykładów klasycyzmu w Rzeczypospolitej XIX wieku można uznać zespół Łazienki Królewskie.

Być może mamy prawo nazywać Łazienki jednym z najbardziej „wzorowych” zabytków w Polsce pod względem przestrzegania klasycznych kanonów: architekt nawiązuje do starożytności, zachowane są charakterystyczne proporcje. Wpływ miejscowej tradycji prawie nie jest odczuwalny. [Lauterbach, 1971: 58] Jednak jako pierwowzór i źródło zapożyczeń król wybiera nie sam pałac wersalski, ale bardziej zamkniętą rezydencję markizy de Pompadour – Petit Trianon.

Francuski Petit Trianon jest zwiastunem stylu rokoko w architekturze, znajduje to odzwierciedlenie na przykład w płaskiej dekoracji elewacji. Łazienki są dość podobne do pałacu tej markizy, wykonane przy użyciu zdecydowanie klasycznych form: okrągłe proporcjonalne kolumny, zastosowanie w mostach motywu łukowego przypominającego akwedukty, klasyczny portyk, rzeźby po bokach pałacu i sama biel, tak rzadko spotykana w polskiej architekturze tamtych czasów. Pałac na wyspie przypomina zaciszną posiadłość, stworzoną z myślą o intelektualnym wypoczynku na łonie natury.

Spośród wszystkich polskich dworów i pałaców baroku i klasycyzmu Pałac Łazienkowski najbardziej kojarzony jest z parkiem: z jednej strony ten efekt włączenia w otoczenie uzyskuje się dzięki niewielkim rozmiarom budynku, który wydaje się zagubiony w rozległym parku. Z drugiej strony sama funkcja Łazienek dyktuje ścisły związek z naturą, zwłaszcza z taflą wody – w parku mieścił się pawilon kąpielowy i w ogóle lokalizacja pałacu pomiędzy dwiema dużymi rezydencjami – Pałacem Królewskim i Wilanowem niosła temat odpoczynku w drodze, samotności i zadumy na łonie przyrody i spokojnych wodach [Berdecka, 1969: 18].

W parku możemy dostrzec wiele analogii z zespołem francuskim: żadna z środkowoeuropejskich rezydencji nie jest tak ściśle związana z wodą i hydrauliką: Łazienki położone są nad tytułowym dopływem Wisły, która z kolei łączy się z Jeziorem Łazienkowskim. W przeciwieństwie do Wersalu, gdzie wody było za mało, w Łazienkach było jej za dużo. Architekci musieli rozwiązać trudne zadanie: dopasować architekturę i roślinność parku tak, aby harmonijnie współistniały

помимо obfitości wody. W rezultacie postanowiono zbudować główny pałac zespołu na sztucznej wyspie na środku jeziora[Fijałkowski, 1983: 122].

Niestety, dziś dość trudno odtworzyć wygląd łazienkowskiej szaty roślinnej, jednak na terenie zespołu znajdowały się dwie szklarnie dla roślin egzotycznych, a zachowane fragmenty założenia i podziału parku na segmenty świadczą o logice budowania przestrzeni bardzo zbliżonej do Wersalu z boskietami, placykami, z fontannami i pawilonami. Zachowały się nawet trzy drogi wersalskie, ale trzy aleje odchodzą nie od pałacu, tylko od wejścia do parku, a ostatecznie wszystkie okazują się połączone alejkami poprzecznymi.

Список литературы:

1. Berdecka, Anna; Turnau, Irena (1969). *Życie codzienne w Warszawie okresu Oświecenia*. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy. p. 18.
2. Lauterbach, Alfred. *Zniszczenie i odbudowa Warszawy zabytkowej*. „Kronika Warszawy”. 4(8), s. 58, 1971.
3. Fijałkowski, Wojciech (1983), *Wilanów. Rezydencja Króla Zwycięzcy (Wilanów. The residence of the Victorious King)*, Warsaw: Krajowa Agencja Wydawnicza.

Анастасия Емцова

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
emtsova.anastasia@mail.ru*

Ruská emigrace v Československu (1920-1930): problémy adaptace mladé generace

Otázka emigrace bude vždy relevantní pro většinu států, protože každý pohyb skupin lidí může mít vážné důsledky pro další rozvoj zemí, a to jak z politického, tak ekonomického i sociokulturního hlediska. Během První světové války se mezinárodní společenství poprvé setkalo s masovým proudem uprchlíků, jejichž pobyt v cizích zemích byl neodvratně spojen se složitým procesem adaptace, přijímání nových hodnot a norem.

Československo 1920. a 30. let v tomto ohledu vykazuje nejzajímavější adaptační zkušenosti jako stát, ve kterém se emigrantské komunitě podařilo vypracovat vlastní ideologii a pohled na osud samostatné kategorie uprchlíků – mladé generace. Stejně jako politické kruhy v Československu viděla emigrace jako hlavní nástroj k dosažení cíle vytvoření nové inteligence v Rusku právě mládež, kterou bylo nutné patřičně vychovat.

V rámci společností přední představitelé emigrace utvářeli vizi budoucnosti a rozpracovali celý systém výchovy dětí a studentů mimo vlast. Existuje přesvědčení, že ruská emigrace „první vlny“ směřovala se do minulosti. Zdroje však ukazují, že značná část progresivně smýšlejících emigrantů chtěla vychovat moderního člověka, který by převzal nejlepší myšlenky evropské kultury, myšlenky demokracie, svobody jednotlivce a zároveň by zachoval svou národní identitu. Právě tato mládež se měla v budoucnu stát novou inteligencí v Rusku.

V praxi se ideologie projevovala současně v několika oblastech. Pokud jde o vzdělání, v Československu působilo několik organizací. Každá z nich se řídila potřebou čelit náporu cizí kultury a zachovat tzv. „ruskost“. Hlavní myšlenkou bylo vytvořit vlastní vzdělávací systém v ruštině pro všechny věkové kategorie, od předškolního vzdělávání až po univerzity. V emigraci vzdělávání mělo sloužit nejen jako způsob získávání znalostí, ale bylo také uspořádáno tak, aby mohlo vychovávat děti v národním duchu.

Dalším nástrojem ovlivňování ruské mládeže byla Pravoslavná církev. Na oplátku si stanovila za úkol kontrolovat morální lidi, zejména děti, které musely projít složitými životními okolnostmi. Církevní osobnosti vyvinuly přístupy, které by pomohly vstřebat dětem a dospívajícím hlavní náboženské hodnoty. Kromě toho bylo pravoslaví v emigraci považováno za nedílnou součást ruské kultury, a proto bylo myšleno jako přirozená součást názorů ruského člověka.

Konečně další oblastí, na kterou se emigrantská ideologie šířila je tělesná výchova. V roce 1921 se objevila v Praze společnost Ruský Sokol, která vznikla podobně jako Český Sokol. Hnutí bylo založeno na vlasteneckých pocitech: mělo svou vlastní hymnu, svůj stejnokroj a symboly spojující mládež s Ruskem. Důležité je, že tato společnost se neomezovala jen na sport: v rámci Sokola se konaly přednášky o historii, pořádaly se výlety a další aktivity.

Závěrem je třeba poznamenat, že posouzení úspěšnosti této politiky bude záviset na tom, z jakého pohledu se na to podíváme. Z hlediska zadaných úkolů pro zachování své identity se ideologie ukázala jako plodná a ruská mládež si po dlouhou dobu zachovala svou identitu. Pokud však mluvíme o budoucnosti těchto lidí, kteří se nemohli vrátit do vlasti, je třeba konstatovat, že ideologie měla vážný negativní výsledek. Dlouhý adaptační proces skončil neúspěchem a projevil se v tom, že nová generace se těžko dokázala integrovat do českého prostředí.

Список литературы:

1. Вацек Й, Бабка Л. Голоса изгнанников: Периодическая печать эмиграции из советской России (1918-1945). Прага: Национальная библиотека Чешской республики, 2009.
2. Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995.
3. Sládek Zdeněk. O ruské pomocné akci tentokrát polemicky // Veber V. a kol. Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945. Sborník studií 3. Praha: Karolinum, 1996.

Алексей Анисимов

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
a.pajns@yandex.ru*

Формирование и развитие чехословацко-монгольского экономического сотрудничества (1950-1976).

Trendy československo-mongolské interakce v současné fázi do značné míry určuje čtyřicetiletá historie československo-mongolské hospodářské spolupráce. V ruské historiografii přitom nejsou studia, která se zabývají vývojem ekonomické spolupráce mezi oběma zeměmi v historické retrospektivě. Na základě periodik a sbírek dokumentů Mongolské lidové republiky a Československa byly v práci určeny hlavní etapy této interakce. Analýza statistických sběrů národního hospodářství MoLR identifikovala odvětvové charakteristiky spolupráce a místo ČSSR v ekonomice MoLR. V průběhu studia byl učiněn závěr o kvantitativních a kvalitativních

specifikách čs.-mongolské spolupráce v rámci socialistické integrace. Výsledky studia umožňují určit československý přínos v rozvoji MoLR.

В текущем году исполняется тридцатилетний юбилей со дня установления дипломатических отношений между Чешской Республикой и Монголией. Примечательно, что за этот период можно наблюдать довольно интересную динамику двустороннего взаимодействия в разных областях, в частности в экономической сфере. При этом в современном монгольском дискурсе сотрудничество с ЧР является непосредственным продолжением сорокалетнего взаимодействия между ЧССР и МНР [Монгол-Чехийн, 2015: 4]. Таким образом, актуальность рассматриваемой проблематики заключается в том, что чехословацко-монгольские политико-экономические, культурные и социальные связи обеспечили ключевые тренды современного чешско-монгольского взаимодействия.

Начало экономического сотрудничества между ЧССР и МНР можно соотнести с установлением торговых отношений и открытием дипломатического представительства Чехословакии в Монголии в 1956 г [Монгол-Чехийн, 2015: 67]. В данной связи важно, что формальное установление дипломатических отношений между двумя странами ещё в апреле 1950 г. не предопределило формирования устойчивых экономических связей [Монгол-Чехийн, 2015: 5].

Чехословацкая экономическая помощь в области лёгкой промышленности при развитии обувной, кожевенной и галантерейной отраслей в МНР обозначила основой вектор сотрудничества, начиная со второй половины 1950-х гг [Pokorný, 2011: 17]. Особое место с конца 1960-х гг. стало занимать сотрудничество в области производства строительных материалов в контексте развития цементной промышленности [Pokorný, 2011: 20]. Значительную роль сыграло сотрудничество в медицинской сфере. В качестве определяющей необходимо также обозначить кооперацию в области геологоразведки и добычи полезных ископаемых [Pokorný, 2016: 73]. В свою очередь, связь между развитием экономического сотрудничества и кооперацией в области науки и образования сыграла значимую роль в процессе развития двустороннего взаимодействия.

Специфика экономических отношений ЧССР и МНР с момента их установления и развития заключается в приоритетном положении Чехословакии среди прочих стран Восточной Европы в рамках торгового сотрудничества (второе место во внешней торговле МНР) и оказания технико-экономической помощи МНР. При этом необходимо рассматривать социалистическую интеграцию как ключевой фактор развития чехословацко-монгольского экономического сотрудничества [Комплексная программа..., 1971: 10-12].

Важно отразить, что экономическое взаимодействие ЧССР и МНР не сопоставимо с советско-монгольской кооперацией. Чтобы обозначить место чехословацкого присутствия в МНР, необходимо охарактеризовать чехословацкую экономическую помощь как «придаточную» и в большинстве случаев сонаправленную с огромной советской поддержкой.

Таким образом, чехословацко-монгольское экономическое сотрудничество – это уникальный предмет исследования не только в силу своей неизученности в отечественной историографии. Экономические отношения ЧССР и МНР показывают, как формальные и стандартизированные связи между странами социалистического блока на деле приобретают уникальную специфику, требующую более детального рассмотрения. Представляется, что подобные периферийные связи в рамках социалистического содружества наиболее ярко отражают уникальность интеграции в рамках командно-административных экономических систем.

Список литературы:

1. Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран-членов СЭВ. М.: Секретариат СЭВ, 1971.
2. Pokorný M. “Nomádi” z Československa. Československé vztahy s Mongolskou lidovou republikou v 50. a 60. letech 20. století: Bakalářská práce. - Západočeská univerzita v Plzni, Plzeň, 2011.
3. Pokorný M. Normalizace s nomády Československo-mongolské politické, hospodářské a kulturní vztahy v letech 1968-1984: Diplomová práce. - Univerzita Karlova v Praze, Praha, 2016.

4. Монгол-Чехийн дипломат харилцааны баримт бичгийн эмхэтгэл (1950-2015). Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2015.
-

Лада Сосина

Факультет иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
lada03102002@gmail.com

Hodnocení ruských divadel první vlny emigrace v českých médiích

V období mezi dvěma světovými válkami se ruská divadelní komunita rozšířila po celé Evropě a také v USA. Od roku 1906 přijížděly ruské emigrantské skupiny s svými představeními do Čech ze sousedního Německa, Francie, Polska, Jugoslávie a dalších zemí [Вагапова, 2007] Později vznikla samostatná divadla, jako Pražská skupina МСНТ, Ruské komorní divadlo a další. Existovala také studentská divadla, která předváděla svá představení v rámci akce nazvané "Dny ruské kultury", což je vidět z historie Karlovy univerzity [Mach, 2012] Tento vliv ruské divadelní komunity byl důležitý pro kulturní scénu v Československu a měl dopad na národní média.

V pozitivních i negativních publikacích vidíme, že čeští autoři srovnávají úspěchy ruského divadla s českým a snaží se nabídnout místní divadelní komunitě, jak využít "nové" zkušenosti pro další rozvoj své kultury.

V pozitivních materiálech, například v článku Moskevští z roku 1921 vidíme chválu ruské techniky provedení, kde autor přímo naznačuje, že by české divadlo mělo jí převzít od exilových aktérů "To promyšlení celého ustrojení hry až po nejmenší hnutí, ta neustálá nadvláda bystrého, stále novým tvořením zaujatého rozumu, ta pozornost vůči všemu na scéně je cosi, co nám velmi často schází." [Tille, 1921]. Karel Čapek v Lidových novinách psal «Překvapuje, že těch let není víc: ne proto, že by Moskevské divadlo budilo tak historický dojem, ale proto, že bychom mu přičítali mnohem delší tradici.» [Čapek, 1928], a právě zmínka o historickém a tradičním aspektu nám ukazuje na to, že pro Čechy bylo důležité shromáždit v divadle co nejvíce místních kulturních úspěchů, jak to udělali ruští divadelníci. V článku pro noviny Národní listy v roce 1924 byla chvála vyjádřena následovně:

"Moskevští umělci vyrostli ke klasické dokonalosti." [Rutte, 1924]. Ačkoli v té době v sovětské divadelní tradici, stejně jako v exilových komunitách, bylo snaha přepracovat klasiku do moderního kontextu, v českých médiích vidíme situaci, kde dosažení klasického vrcholu je považováno za hlavní cíl divadelní tvorby.

Přibližně stejnou situaci vidíme také v negativních článcích. Například v ničivé recenzi pro noviny Národní politika autor vzpomíná na hru české herečky, aby ukázal, že v ruském představení s rolí si nevěděli rady. Autor konfrontuje ruskou Germanovou a českou Kvapilovou, jejíž Ellida byla podle jeho názoru v mnoha ohledech mystičtější a podmanivější [Konrád, 1924].

Ruští literáti a divadelníci měli za úkol přinést do české kultury slovanský prvek [Велеманова, 1998]. Proto se v negativních recenzích objevuje problém toho, že publikum nebylo spokojeno s interpretací děl ruské klasické literatury. „Při úrovni představení, myslím, že přes všecku snahu nebylo dosaženo oné obvyklé u Moskevských, vzácné a nenapodobitelné náladovosti upoutávajícího, tajemného onoho fluidu, jímž vyznamenávají se jejich realistické hry, zvláště Čechov, oné vyrovnanosti všech a ve všem.“ [Engelmüller, 1923]. Také nadměrná pozornost k "pravému" ruskému divadlu trápila umělecké novináře. O divadle na Vinohradech psali, že "Kusy, které vinohradské divadlo mělo nastudováno, budou zcela zapomenuty, na nových se skoro vůbec nepracuje, o udržení pracovní pohotovosti se nikdo nestará, a až se zase uvolní jeviště, bude to jako dům po vydrancování".

Výzkum ukazuje, že bylo pro Čechy důležité nevyjadřovat se razantně o kultuře svého publika a o úspěších svého divadla, ale spíše přijmout nové myšlenky a přístupy, které mohou přinést další rozvoj jejich kulturní identity.

Список литературы

1. Čapek K. Třicet let chudožestvěnných. - Brno: Lidové noviny, 1928 г..
2. Engelmüller K. Pohostinská hra členů Moskevského Uměleckého divadla.: In Národní politika, 1923 г.- 344.
3. Konrád E. Ibsen není Čechov.: Cesta, 1924 г.. - 23.
4. Mach Jaromír Ruští intelektuálové v emigraci a jejich institucionální základna v Praze . - Brno: Masarykova univerzita , 2012.
5. Rutte M. Antika Moskevských.: Národní listy, 1924 г.. - 296.
6. Tille V. Moskevští. - Praha: Jeviště, 1921 г.. - 19.

7. Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. : Алетейя, 2007.
8. Велеманова В. Московский художественный театр: точки соприкосновения с Прагой. - Прага, 1998 г.

Вострикова Мария

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

vosmaria@yandex.ru

Образы Jana Kubiše a Jozefa Gabčíka ve filmech Atentát (1964) a Anthropoid (2016).

Cílem této práce je porovnat obrazy Jana Kubiše a Jozefa Gabčíka ve filmech *Atentát* (rež. J. Sequens, 1964) a *Anthropoid* (rež. S. Ellis, 2016) z hlediska výzkumu kulturní paměti.

J. Kubiš a J. Gabčík byli příslušníci zahraniční československé armády, výsadkáři a hrdinové protinacistického odboje, jejichž úkolem bylo odstranění zastupujícího protektora Reinharda Heydricha v rámci operace *Anthropoid*. Po atentátu, který Kubiš a Gabčík provedli 27. května 1942 s podporou dalších členů odboje, 4. června Heydrich zemřel na následky zranění. Za následujícího pátrání se Kubiš a Gabčík s dalšími výsadkáři ukryli v kostele Cyrila a Metoděje, kde se 18. června zahynuli v boji.

Výsledek operace byl klíčový pro průběh druhé světové války a osud Československa v tomto konfliktu. Kvůli svému významu se operace *Anthropoid* stala součástí kolektivní paměti. Paměť tedy chápeme jako způsob, jímž lidé konstruují svou minulost; neodráží autentickou minulost, ale její verzi přijatou určitým společenstvím [1: 15].

Ve 20. století se jedním z nejvlivnějších kulturních mediátorů paměti stal film. Hraje obrovskou roli v reprezentaci minulosti a upevňování obrazů minulosti prostřednictvím rozpoznatelných konstrukcí a symbolů. Stejný proces lze pozorovat i v případě operace *Anthropoid*, zejména u jejích protagonistů. Za zmínku také stojí, že oba filmové prameny tohoto příspěvku nejsou dokumenty, ale hrané filmy, které mluví spíše jazykem obrazů než faktů.

Ve filmu *Atentát* je hlavní prioritou zdůraznit hrdinské činy výsadkářů, jejich mimořádnou statečnost. To znamená částečnou stereotypizaci a idealizaci, díky níž nemají parašutisté žádné zásadní nedostatky, slabiny nebo pochybnosti. *Anthropoid* klade mnohem větší důraz na to, že Kubiš a Gabčík nebyli jen národní hrdinové, ale lidé jako my ostatní. Nejsou nezranitelní, cítí strach a nerozhodnost, projevuje se u nich nervozita apod.

Druhý rozdíl tvoří různý poměr osobních a vlasteneckých citů v celkové motivaci postav. V *Atentátu* neexistuje pro Kubiše a Gabčíka konflikt mezi osobními aspiracemi a národní misí. Celý svět obou postav je zaměřen pouze na realizaci jejich poslání. V *Anthropoidu* hrdiny poznáváme z mnohem "lidštější" strany a vidíme, jak se u nich střetává věrnost vojenské povinnosti a osobní snahy a touhy, včetně romantických citů. I když zůstává odpovědný úkol na prvním místě, je jasně vidět vnitřní protiklady.

I přes řadu rozdílů je mezi obrazy postav několik společných detailů. Za prvé, ačkoli se pohled na hrdinství účastníků operace značně liší, není to hrdinství vůbec zpochybňováno. Za druhé, Kubiš a Gabčík se uznávají především jako vojáci, kteří jsou zodpovědní za osud své vlasti a nemají právo odstoupit. Za třetí, účastníci operace také nenesou odpovědnost za represe vůči civilnímu obyvatelstvu, které následovaly po atentátu.

Na závěr lze říci, že rozdíl mezi obrazy Kubiše a Gabčíka spočívá v míře významu osobních prožitků postav ve vztahu k jejich poslání jako vojáků a účastníků odboje. Novější film *Anthropoid* věnuje větší pozornost vnitřnímu světu postav a jeho rozporům. Zatímco v československé adaptaci je hrdinství postav vyjádřeno především jejich bezpodmínečným vlastenectvím, modernější film ukazuje, že hrdinství ve jménu vlasti je také psychickou výzvou, která vyžaduje velkou osobní oběť.

Список литературы:

1. Историческая память: введение : учебное пособие / Ю. А. Сафронова. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
2. Kopal P.: *Atentát a Lidice. Hrané filmy o Protektorátu // Paměť a dějiny*, 2012, roč. 6, č. 2. S. 128–130.

3. Pinkas J. Atentát na Heydricha ve filmu Anthropoid. Globální a lokální recepcе minulosti // Historie – Otázky – Problémy. Public history: dějiny ve veřejném prostoru, 2018, roč. 10, č. 1. S. 153–173.
-

Алиса Кондратьева

Факультет иностранных языков и регионоведения Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова
alisa.kondrateva.03@mail.ru

**Понятие концепта. Особенности концепта «совесть»
в русской и чешской лингвокультурах**

Článek stručně pojednává o výzkumu pojmu "koncept" v ruské lingvistice. Pojem je posuzován v historické perspektivě a z pohledu takových autorů, jako jsou S. Askoldov, D. Lichačev, J. Stěpanov, A. Zalevská, S. Vorkačev a M. Pimenová. Při výzkumu jsme si stanovili úkol porovnat pojem "svědomí" ve dvou slovanských lingvokulturách – české a ruské. Výsledkem analýzy vědeckých pramenů bylo zjištění, že i přes podobnost vnitřní formy slov-reprezentantů pojmu se obraz svědomí v ruském pojetí liší od toho, co si pod ním představuje představitel české kultury. Stanovili jsme také cíle budoucího výzkumu.

Понятие концепта в настоящее время находится в центре внимания лингвистов. По определению Д. С. Лихачёва, концепт – обобщённая единица мышления, которая, будучи обобщением множества различных определений слова, помогает людям с разным личным, профессиональным и социальным опытом понимать друг друга [Лихачёв, 1997].

Исследовав концепт в контексте той или иной культуры, мы получим представление о том, как представители этой культуры воспринимают определённые предметы и явления, каким видят мир и людей вокруг, какие модели поведения выбирают в различных ситуациях.

Цель исследования – сопоставление концепта «совесть» в русской и чешской лингвокультурах. Для достижения цели были сформулированы задачи: Изучить теоретическую составляющую понятия «концепт».

Изучить этимологию понятия «совесть» в русской и чешской культурах.

Исследовать современное осмысление и проанализировать значимость концепта «совесть» представителями русской и чешской культур.

Материалом для анализа концепта «совесть» служат словари, литературные произведения, лингвистические исследования.

В русском, как и в остальных славянских языках, «совесть» – калька с греческого «syneidos». Несмотря на наличие черт сходства – внутренней формы лексем ‘совесть’ и ‘svědomí’, практически идентичных идиоматических выражений, образ совести в лингвокультурах различен.

Русскую совесть, в отличие от чешского svědomí, нельзя взять под контроль и управлять ею, поскольку совесть находится не просто вне человека, но выше него – она идёт от Бога. В чешском языке находится намного меньше упоминаний svědomí в религиозном контексте.

Примечателен и предикатив ‘совестно’, который в сочетании с логическим подлежащим в дательном падеже придаёт ситуации оттенок неизбежности.

Русскую совесть за счёт её внешнего расположения можно «отогнать», освободив себя от мук на какое-то время. В конечном итоге все, кто вёл несправедную жизнь, будут вспоминать о своих неблагоприятных поступках с сожалением и стыдом [Стефанский, 2008].

На наш взгляд, главное отличие совести от svědomí – её подверженность влиянию разума: русской совестью нельзя řídit, т. е. манипулировать, но можно на время отогнать. В таком случае человек не избавится от мук совести, а лишь отложит их.

Исследование ключевых культурных концептов, к которым относится совесть, позволяет повысить эффективность межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005
2. Лихачев Д. С., Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. — М., 1997

3. Стефанский Е. Е., Концепт "совесть" в русской, польской и чешской лингвокультурах // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2008, № 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-sovest-v-russkoy-polskoy-i-cheshskoy-lingvokulturah-1> (дата обращения: 28.04.2023)

Анна Горлова

Факультет иностранных языков и регионоведения Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
gorlova.annn@mail.ru

Контрастивный анализ в изучении чешского языка на базе русского и английского: интерференция и трансференция

V článku jsou analyzovány rysy výuky českého jazyka jako druhého cizího jazyka pro rusky mluvící, kteří studují angličtiny jako první cizí jazyk. Pozornost je soustředěna na srovnání fonetických, lexikálně-sémantických, gramatických a syntaktických aspektů jazyků. Jsou vyčleněny hlavní případy výskytu kladného a záporného přenosu (respektive transfer a interference) při začátku studiu češtiny při podmínkách umělé trojjazyčnosti. Na základě kontrastní analýzy adekvátních jazykových úrovní je sestaven seznam některých bodů, ve kterých se projevují mezijazykové podobnosti a rozdíly a které lze využít ke zlepšení efektivity jazykového vzdělávání.

В работе рассматривается явление трансференции и интерференции при обучении чешскому языку на базе русского и английского, а также предпринимается попытка определить применимость контрастивного анализа в данных условиях.

Контрастивная лингвистика зародилась в 1950-е годы и связывается с работой Р. Ладо «Linguistics across cultures». Как утверждает И.А. Стернин, традиционным в контрастивной лингвистике является сопоставление родного языка исследователя с иностранными [Стернин, 2007: 208]. Данный метод является ключевым при изучении языков как в паре “родной - иностранный”, так и со вторым, третьим и т.д. иностранными языками.

На начальном этапе изучения нового языка его единицы осознанно или бессознательно связываются у обучаемого с соответствующими единицами уже знакомого языка [Иванцова, 2013: 257]. При этом возникает опасность создания ложных знаковых связей в том случае, если они не полностью эквивалентны - это называется интерференцией. Интерференция связана с проблемой переноса языковых навыков и умений из родного языка в иностранный, которая должна решаться с самого начала обучения языку. [Казаева, 2007: 43].

При рассмотрении отдельных языковых явлений Т. В. Грецкой выделяется четыре вида взаимодействия родного, первого иностранного и второго иностранного языков:

1) конкретное языковое явление имеет сходство и с родным языком и с 1ИЯ, отсюда большие возможности для трансференции (положительного переноса);

2) языковое явление 2ИЯ не имеет сходства ни с родным языком, ни с 1ИЯ, следовательно, опора отсутствует;

3) языковые явления 2ИЯ имеют сходство в родном языке (трансференция), но не имеют сходства в 1ИЯ (интерференция)

4) языковое явление имеет сходство с аналогичным явлением 1ИЯ, но не имеет сходства с родным языком. В этом случае в качестве опоры может выступать 1ИЯ. [Грецкая, 2016, с. 764]

Предупреждение интерференции и осуществление трансференции возможно через намеренное сравнение нового языка с уже известными. В изучении чешского на базе русского и английского существует довольно много точек пересечения и расхождения. Некоторые из них, выбранные из билингвальных учебных и научных материалов, предлагается рассмотреть по приведенной выше модели:

I - лексический уровень

Во всех трех языках присутствуют интернационализмы: hotel, rádio, internet, pizza, telefon, hokej, kytara

Вне сопоставления находятся чешские лакуны - неперебиваемые культурные реалии (pohoda, lítost)

Между чешским и русским существуют межъязыковые омонимы и паронимы, некоторых из которых совпадают по значению (kino, bratr, sestra),

другие же имеют несхожее (život (жизнь) - живот, stůl (стол) - стул) или же прямо противоположное значение (zapomnét (забыть) – zapamatovat (запомнить); zárač (вонь) – vůně (запах, аромат))

В чешском есть слова, напрямую заимствованные из английского и отсутствующие в русском: couch-gauč (диван); alarmovat (бить тревогу).

II - грамматический и синтаксический уровень

Во всех трех языках есть глаголы, спряжение которых отклоняется от нормы (русский: брить, стелить, держать и т.д.; английский: be, know, eat и т.д.; в чешском - глаголы být, vědět, chtít, jíst и некоторые другие). Их наличие в уже знакомых языках позволяет увидеть закономерности частотности в их существовании и преодолеть сопротивление.

В чешском языке в отдельный падеж выделяется вокатив, образование которого подчиняется определенным правилам. В русском такие формы существуют, но слишком отдаленно, чтобы вызывать интерференцию. На синтаксическом уровне чешский также отличает существование энклитиков;

Грамматическая система чешского во многом схожа с русским, так как оба языка являются флективными, не используют артикли, имеют разделение по трем грамматическим родам, и глаголы в них изменяются по лицам и числам, причем некоторые окончания совпадают с русскими и могут воспроизводиться интуитивно. Синтаксические сходства между чешским и русским наблюдаются, в частности, в аналитической форме будущего времени для несовершенных глаголов и синтетической для совершенных глаголов;

В предложении на чешском и английском языках недопустима нулевая связка (всегда присутствует вспомогательный глагол).

III - фонетический уровень

Во всех трех языках есть сходная система звуков, хотя в их реализации внутри слов и существуют акустические и артикуляционные различия: гласные (a, o, u, e, i, y); согласные (по способу образования): взрывные (p, b, t, d, t', d', k, g), щелевые (f, v, s, z, š, ž, j, x, h), аффрикаты (c, č), боковой (l), носовые (m, n, n'), дрожащие (r, ř*);

На уровне фонологии чешский отличается фиксированным ударением и смыслоразличительной долготой. На уровне фонетики наиболее выделяются

уникальный для чешского звук [ř] - как в слове řeka, třista - и интрузивный [n] в сочетании -mě- (náměsí);

В системе согласных в чешском прослеживается сходное с русским разделение на твердые и мягкие согласные, которое не свойственно английскому языку (n - ní, t - t', d - d');

На уровне же гласных чешский сходится с английским в существовании дифтонгов, которых нет в русском - в чешском их 3 (ou, au, eu), в английском 8.

Перенос языкового навыка - это про способность обучающихся определить, какие уже известные им модели они могут использовать в новой ситуации. Перенос возможен, если в обоих явлениях выявлено что-то общее [Барсук, 1970: 35-36]. Таким образом, межъязыковая интерференция неизбежна, является важной для овладения языком и может эффективно использоваться, в частности, в изучении чешского языка на базе русского и английского. В её отрицательном проявлении интерференция может помочь прогнозировать и лучше запомнить различия между языками, а положительная - дать преимущество в виде опоры на уже знакомые модели.

Список литературы:

1. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике - Вып. XXV. Контрастивная лингвистика - М., 1989, - С. 5-17
2. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.– АСТ: Восток-Запад, 2007
3. Иванцова Н.А. Особенности контрастивной лингвистики и ее практическое применение в обучении иностранным языкам. / Н.А. Иванцова, Е.Д. Лазицкая // Вестник ИрГТУ. – 2013. – № 6. – С. 257-260
4. Казаева, Л.И. Родной язык в процессе обучения иностранному // Вестник Югорского государственного университета, 2007. С. 43–46
5. Грецкая Т.В. Способы повышения эффективности преподавания второго иностранного языка в неязыковом вузе (на примере немецкого языка) // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 763–765.
6. Барсук Р.Ю. Основы обучения иностранным языкам в условиях двуязычия [Текст] / Р.Ю. Барсук. – М., «Высш. Школа», 1970

7. Игнатьева Н.Д. Русско-чешская интерференция на начальном и продвинутом этапах обучения //Мир русского слова №4, 2015, с. 109-112
8. Игнатьева Н. Д. Современная русско-чешская интерференция (лексико-фразеологический аспект): дисс... канд. филол. наук: 10.02.03. / /СПБ, 2016, – с. 151

Алина Севрюкова

Факультет иностранных языков и регионоведения Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
sevryukova.as@gmail.com

**Современные образовательные программы России и Чехии:
стандарт или простор для свободы?**

Moderní vzdělávací systém a vzdělávací programy – jaké mají být? Je nutné měnit tradice a přizpůsobovat se modernizujícím se podmínkám a okolnostem veřejného života? Na tyto a další otázky úspěšně odpovídají vyspělé národní vzdělávací systémy Ruska a České republiky. Právě ty při zachování typických rysů zároveň poskytují svobodu a prostor pro modernizaci a posílení pozic národního vzdělávání, a to především díky svým vzdělávacím programům.

Люди исторически, воспитывая своих детей, были вынуждены вырабатывать, обобщать и формулировать свои приёмы воспитания. То есть – педагогические правила, системы, стандарты, программы, которые, бесспорно, основывались и отталкивались от естества человека. Естество человека не изменилось. Но изменилось и усложнилось общество. Возникает вопрос: современная система образования и образовательные программы – какими им быть? Нужно ли изменять традициям и приспосабливаться к модернизирующимся условиям и обстоятельствам общественной жизни?

Передовыми в данном контексте являются национальные образовательные системы России и Чехии, поскольку именно они, сохраняя типичные черты, в тоже самое время предоставляют свободу и простор для

модернизации и усиления позиций национального образования, в первую очередь благодаря своим образовательным программам.

В результате образовательной реформы 2004 - 2012 гг. в Чешской республике Законом о школе №561/2004 (*školský zákon*) произошло изменение в области регламентации образовательных программ. Классический общий учебный стандарт был заменен на систему учебных программ двух уровней: государственного и школьного.

Государственный уровень представлен, так называемыми, рамочными образовательными программами, которые созданы для каждой ступени и типа образовательного учреждения и способствуют сохранению стандарта качества образования в стране в целом. Этот уровень представлен следующим перечнем образовательных программ: RVP PV (*Rámcový vzdělávací program pro předškolní vzdělávání*) - Общая образовательная программа начального образования; RVP ZV (*Rámcový vzdělávací program pro základní vzdělávání*) - Общая образовательная программа для основного образования, RVP ZŠS (*Rámcový vzdělávací program pro obor vzdělání základní škola speciální*) - Общая образовательная программа для специального образования; RVP G (*Rámcový vzdělávací program pro gymnasia*) - Общая образовательная программа для гимназий; RVP GSP (*Rámcový vzdělávací program pro gymnázia se sportovní přípravou*) - Общая программа для гимназий со спортивной подготовкой; RVP ZUV (*Rámcový vzdělávací program pro základní umělecké vzdělávání*) - Общая программа школьного художественного образования; RVP SOV (*Rámcové vzdělávací programy pro střední odborné vzdělávání*) - Общая программа для среднего профессионального образования. [Французова, 2015:53]

Школьный уровень обеспечивает ту самую свободу, поскольку представлен образовательными программами самостоятельно разрабатываемыми и применяемыми школами на базе рамочных программ. Таким образом формируется базовый ожидаемый уровень знаний, стандарт образования, а все что превышает и выходит за пределы базового уровня утверждается школой самостоятельно.

Разработкой и введением похожей системы, но пока только на уровне школьного образования, в России занимается Министерство Просвещения. Планируется, что до 1 сентября 2023 года в школах внедрят единый стандарт

качества школьного образования. Соответствующий законопроект вводит понятие единых федеральных основных общеобразовательных программ (ФООП), по которым изучаются те или иные школьные предметы. Сейчас школы разрабатывают эти программы самостоятельно, ориентируясь на рекомендованные примерные программы и федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС). В тоже самое время за школами сохранится право на разработку своих собственных программ, но их уровень не должен быть ниже уровня содержания и планируемых результатов ФООП. Таким образом также будет достигнут «золотой стандарт», но в тоже самое время останется простор для развития за пределы базового уровня сложности.

Таким образом, современные национальные образовательные системы России и Чехии сочетают довольно высокую степень автономии при создании и выборе образовательных программ с чертами нормированности и стандартизованности, что обеспечивает довольно дифференцированный подход к образованию и создает простор для будущей модернизации и инноваций.

Список литературы:

1. Французова О. А., Отбор содержания образования в общеобразовательной школе Чешской Республики: государственный стандарт и школьные программы // Проблемы современного образования. 2015. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otbor-soderzhaniya-obrazovaniya-v-obscheobrazovatelnoy-shkole-cheshskoy-respubliki-gosudarstvennyy-standart-i-shkolnye-programmy> (дата обращения: 20.06.2023).
2. Rámcové vzdělávací programy // Ministerstvo školství, mládeže a tělovýchovy. – URL: <https://www.msmt.cz/vzdelavani/skolstvi-v-cr/skolskareforma/ramcove-vzdelavaci-programy> (дата обращения: 20.06.2023).

СЕКЦИЯ «ЮЖНА СЛАВИЯ И РОССИЯ»

Вандерштерн Лира

Факултет по чужди езици и регионознание,
Московски държавен университет «М. В. Ломоносов»
sitenk@mail.ru

Празници в България като елемент на културна памет

В доклада се разглеждат български празници и актуалното им състояние, както и влиянието на културната политика върху празненствата и ритуалите.

Актуалността на темата е свързана с особеното значение на изследването на културната памет в ерата на глобализацията и девалвацията на моралните устои на обществото. Нашият анализ насочва вниманието към значението на ретроспективното в разбирането на съвременните процеси. Това дава възможност да се идентифицират причините за нови явления в културата и да се предвидят бъдещи промени.

Целта на изследването е да се анализира влиянието на празниците в България върху формирането на културната памет на обществото, както и върху механизмите на културната политика на страната.

Разглеждат се понятието културна памет и различни подходи към определението ѝ; анализират се спецификата на политическата култура в България, официални и неофициални български празници, както и отношението на хората към тях.

Използваните източници са медии (български, европейски и руски), изказвания на политици по българската телевизия, репортажи от празнични събития, както и форуми и сайтове в Интернет (последният източник беше особено важен при анализа на неофициалното мнение на хората за политиката, провеждана от държавата).

В доклада са анализирани някои от българските държавни, народни и религиозни празници, които според нас са претърпели най-значими промени през последните 30 години: Денят на Освобождението, Денят на българската просвета, култура и славянската писменост, 9-ти септември, Йордановден. Васильовден, Баба Марта.

Примерът с 24 май показва колко различно може да се тълкува опитът за обединение на народа в признаването на миналото му. Ако преди празникът е служил като повод за сближаване на славянските държави, сега виждаме съвсем различно възприемане на този ден като напомняне за изолацията на българите, чието положение се сравнява с обсада. Чрез промени в представите за миналото се прокарва граница между съседните народи, подчертава се разликата между българската култура и културата на другите славянски народи.

Анализът на трансформацията на празниците в съвременна България позволява да бъдат разкрити начини за влиянието на културната политика върху представите на хората за историята си. Чрез промяна на обредите, преименуване, създаване на нови или отмяна на стари празници, властите въздействат върху съдържанието на културната памет.

Промените в ритуалите на народните празници оказват най-голямо влияние върху хората, защото тези празници се възприемат от обществото като нещо автентично, предадено от предците. Следователно доверието в тези празници, а оттам и значението, което носят, е по-високо.

С развитието на информационните технологии популяризирането на исторически митове е получило широко разпространение, което води до изопачаване на стари значения. Тези процеси са особено опасни в съвременния свят, тъй като в контекста на глобализацията културите стават по-склонни към унификация.

Список литературы:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика: Новое литературное обозрение, 2014
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004
3. Деветосептемврийският преврат променя парадигмата на българската история и култура // БНР URL: <https://bnr.bg/horizont/post/101164104/profesor-evelina-kelbecheva-na-9-septemvri-1944-v-balgaria-e-izvarshen-prevrat> (дата обращения: 07.04.2023).

4. Красимир Богданов: Няма историческо понятие славянска писменост // БНР URL: <https://bnr.bg/horizont/post/101287204/krasimir-bogdanov> (дата обращения: 05.04.2023)
 5. Ледено хоро в Калофер, 2017 // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=_JhqTHUJAbs (дата обращения: 07.04.2023)
 6. *Bulgaria scolds Russia's dubious narrative on USSR role in liberating Europe* // Rferl URL: <https://www.rferl.org/a/bulgaria-scolds-russia-s-dubious-narrative-on-ussr-role-in-liberating-europe/30146869.html> (дата обращения: 07.04.2023)
-

Хаткевич Анна

Факультет Иностранных Языков и Регионоведения
Московского Государственного Университета
имени М.В. Ломоносова
hatkevitch.anna@yandex.ru

Образ Болгарии в современном болгарском кинематографе

Целите на това изследване са да се проследи историята на развитието, основните проблеми и насоки на изучаването на имагологията; да се подберат съвременни български филми, показващи култура и бита на съвременните българи; да се опише образа на България, представен в избраните филми, въз основа на 14 културни параметъра, предложени от Е. Хол, Г. Хофстеде и други културолози. Проучването е направено върху материала от съвременни български филми: „Светът е голям, а спасение дебне отвсякъде” 2008, „Прогноза” 2008, „Мисия Лондон” 2010, „Стъпки в пясъка” 2010, „Чужденецът” 2011, „Живи легенди” 2014, „Урок” 2014, „Каръци” 2015, „Слава” 2016.

Богатым источником культурных особенностей определенного народа служит кино. Именно поэтому изучение образа Болгарии в болгарском кинематографе представляется актуальным на сегодняшний день.

В ходе работы удалось прийти к следующим выводам. Болгарию можно характеризовать как склонную к коллективизму страну. Так, в «Миссии Лондон» отмечается «дух взаимопомощи и доброжелательности», царствующий

среди коллег, оставшихся без начальника, что демонстрирует привычку общества работать сплоченным коллективом.

Также стоит отметить, что Болгария относится к культурам, допускающим неизвестность и неопределенность. В фильме «Иностранец» герои оставляют дорогую машину открытой прямо посреди деревенской улицы, а персонажи «Живых легенд» кладут ключ от входной двери под коврик, не боясь, что их имущество украдут.

Критерий «дистанция власти» в болгарской культуре выступает не столь однозначным, как предыдущие. Проблема бедных и богатых, представленная в «Иностранце», нежелание жены президента Болгарии обращать внимание на проблемы людей, которые под окнами ее резиденции просят еды – один из показателей большой дистанции власти. Но также для болгар не являются авторитетными государственные служащие, что свидетельствует о короткой дистанции власти. Например, дедушка Йордан из «Мир велик, а спасение поджидает где-то за углом» считает официальное правительственное телевидение «промыыванием мозгов», а врачей – дилетантами.

Болгары положительно относятся к послаблениям, как, например, герои «Мир велик, а спасение поджидает где-то за углом», называющие местное кафе «тайной столицей игроков в нарды» и готовые просиживать в нем сутками, наблюдая за ожесточенной игрой катящихся кубиков.

Болгарское общество можно охарактеризовать скорее как маскулинное, чем феминное. Незнакомцам дверь всегда открывают мужчины, защитники дома («Иностранец»). Но при этом в Болгарии женщина играет важную роль и имеет право заниматься тем, чем хочет она, а не тем, что предписывают ей традиции («Живые легенды»).

Во времени болгары относятся весьма не внимательно и могут опаздывать на важные брифинги, а также совмещать важные переговоры с незначущими светскими беседами («Миссия Лондон»).

Болгарское общество можно охарактеризовать как ориентированное на прошлое. В фильме «Мир велик, а спасение поджидает где-то за углом» постоянно всплывает социалистическое прошлое. Люди до сих пор живут в панельных домах, носят одежду, модную в 1990-х годах, вспоминают Ленина,

Сталина, КГБ, Комсомол, а порой и упоминают битвы за Босфор и Дарданеллы за игрой в нарды.

Болгарскую культуру можно отнести к низкоконтекстной. Так, они могут надеть простую полосатую рубашку на официальный брифинг («Миссия Лондон») и обычную одежду в школу («Неудачники»), мыть машину прямо перед входом в посольство и там же гулять с породистыми собаками («Миссия Лондон») и т.д.

К болгарским ценностям стоит отнести деньги, историческую и культурную общность с Европой, крепкую семью, красоту и первозданность болгарской природы, веру в Бога и надежду на чудо.

К болгарским традициям относятся музыка, хоро, смена караула на главной площади перед Народным собранием, курение, турецкие сладости, кофе по-турецки, пастушья одежда, цветные вышивки и кожаные украшения на стенах в доме.

Болгарская культура богата особенными и интересными чертами, создающими уникальный феномен, не похожий ни на одну другую страну в мире, что представляет интерес для современных исследователей и дает почву для будущих размышлений.

Список литературы

1. Дима А. Образ иностранца в различных национальных литературах / Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М.,1977. С. 148-153
2. E. Hall *Beyond Culture*. New York: Doubleday, 1976
3. *Geert Hofstede, Culture's Consequences, Haag (1980)*

Анцупова Валерия
Факультет иностранных языков и регионоведения Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
Lera.ants@yandex.ru

Умалителни форми на лични женски имена в съвременния български език

Още през 2006 година прочутата българска езиковедка И. Васева изтъква, че: «...въпросът за стилистичните функции на умалителните заслужава повече

внимание и би следвало да стане предмет на специално изследване» [Васева, 2006: 107]. Между многото незасягати проблеми е и употребата на умалителните форми на личните имена във функция на „документални“ в официалния български писмен текст. Както е известно, официалната форма на името на лицето в руския език е представена като лично име - презиме (липсващо в българския) – фамилно име: Валерия Григорьевна Анцупова, докато в българския език моделът е друг: лично име – бащино име – фамилно име, например: Гинка Петрова Дюлгерова.

Освен посоченото различие има и още едно, върху което обърна вниманието ни И.А. Седакова в доклада си на «Державенските четения» в СанктПетербургския университет тази година. Известно е, че българите използват умалителни форми на лични имена във функция на документални: *Сийка Спасова-Михайлова*; името *Сийка* идва от *Сия*, образувано от *Анастасия Спасова-Михайлова*. В съвременния български език броят на наставките с умалително-гальовно значение е по-малък, отколкото в руския. Най-разпространените за лица са: *-чо*; *-енце*; *-че*; *-к*; *-и*; *-ичка* [Котова, Янакиев, 2001: 107]. При това трябва да отбележим, че наставката *-к* – за разлика от руския език се употребява само с положителна конотация: сравнете руското – *Анька*, *Любка* с българските гальовни *Анка*, *Любка*.

Целта на нашето изследване беше да се провери дали само официалните форми на името се използват в официалния български писмен текст. Затова взехме текста на «Библиография по българска лексикология, фразеология и лексикография 1950 - 2010.», който съдържа 5 000 позиции. [Калдиева-Захаријева и др., 2011: 593] Датите 1950-2010 г. позволяват да смятаме получените от този източник данни за актуални.

Резултатите са доста неочаквани: от общо 260 имена по-малко от две трети са представени с официални форми: *Красимира*, *Русана*, *Боряна*, *Мария*, *Невена*, *Веселина*, *Рада*, *Биляна* и др. Открихме 24 имена със съкратени форми: *Петя* - от *Петка* (бълг. *Петък*); *Деня* от *Раден* (бълг. *пожелаване на радост за деца*); *Найда* – от бълг. *Найдена*; *Веса* – от бълг. *Веселина* (*пожелаване на весел живот*); и др.

Широко са представени женски лични имена с умалителни форми:

1. Тук заслужава да отбележим, че най-продуктивният модел е с наставка – к- (58 форми);

2. Само една форма е с наставка - ичка: Иваничка; и една форма е с наставка -че: Венче.

В изследвания текст открихме 16 съставни имена, такива като: *Красимира, Светлозара, Цветомира, Велислава* и подобни, но от тях няма нито една умалителна форма. Всичките са представени с пълни официални форми.

Мъжките лични имена би трябвало да се разглеждат заедно с бащини и фамилни, тъй като са пряко свързани и заслужават специално проучване: например: Димитър – Димчо – Димчев [Суперанская, 2008: 174].

В заключение можем да твърдим, че в съвременния български език за разлика от руския, съкратените и умалителните форми на лични женски имена се използват не само в говоримата реч, но и в официалния писмен текст като «документални».

Список литературы:

1. Васева И. Умалителност, експресивност, емоционалност - София: Авангард Прима, 2006. С 107-109.
2. Котова Н., Янакиев М. Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: Изд-во МГУ, 2001. — 1002.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., URSS, 2008 – 366.

Извори

1. «Библиография по българска лексикология, фразеология и лексикография 1950 - 2010.». Съставители: проф. дфн Стефана Калдиева-Захаријева, доц. д-р Мая Божилова, д-р Атанаска Атанасова, доц. д-р Диана Благоева и други. Институтът за български език «Проф. Любомир Андрейчин» при БАН, 2011.

София Прокопенко

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
sofya.pro@yandex.ru*

**Политика Сербии в Косове и Метохии и сербо-албанские отношения
в конце XIX - начале XX вв.**

*Реферат је посвећен политици Краљевине Србије у односу на Косово и
Метохију крајем 19. - почетком 20. века, као и српско-албанским односима на
овим просторима.*

*Косово и Метохија су били важни за Србе, пре свега из политичких и
економских разлога. Осим тога, Србија је имала право на Косово и Метохију
по такозваном "историјском праву". Сви ти разлози су послужили као основа
за српске програме који су имали за циљ јачање српског утицаја на Косову и
Метохију. У њима су Албанци сматрани као прешња „српском духу“, али је
истовремено признавана могућност српско-албанске сарадње.*

Работа посвящена основным целям и особенностям проведения сербской политики в Косове и Метохии в конце XIX – начале XX века с учетом влияния на нее албанского фактора.

В качестве источника было использовано сочинение российского путешественника и публициста А.А. Башмакова «Через Черногорию в страну диких гегов», изданное в 1913 году [Башмаков, 1913]. Автор описывает жизнь и быт албанцев, проживающих бок о бок с сербами в Косове и Метохии. Используемая в работе литература посвящена проблемам сербо-албанского взаимодействия в начале XX века, а также истории албанского народа. Исследования советского историка Г.Л. Арша позволяют взглянуть на влияние албанского фактора на социально-политический климат Балкан на протяжении веков [Краткая история, 1992]. А.Ю. Тимофеев в своей монографии «Крест, кинжал и книга: старая Сербия в политике Белграда, 1878-1912» подробно описал сербские планы в отношении косовских земель на протяжении XIX-XX веков [Тимофеев, 2007]. Монография П.А. Искендерова «Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века» посвящена изучению вопроса создания

независимой Албании и его роли в балканских конфликтах начала XX века [Искендеров, 2013].

Права на Косово и Метохию сербы подкрепляли своим «историческим правом» на эти земли: утверждалось, что сербы не просто проживают в Косове с незапамятных времен, но прочно связаны с этим регионом своей исторической, культурной, церковной традицией [Тимофеев, 2007: 10]. Под воздействием фактора «исторического права» политическая элита Сербии XIX-XX веков относила регион Косова и Метохии к так называемой «Старой Сербии» [Краткая история, 1992: 71]. Косово и Метохия привлекали сербов также возможностью выйти к морю, заполучить крупные экономические центры, стать экономически независимой от соседей страной [Искендеров, 2013: 88-89]. Кроме того, сербское правительство заботило бесправное положение сербов в Косове и Метохии, которое было связано с бесчинствами косовских албанцев [Башмаков, 1913: 30].

По этим причинам в Сербии после 1878 года существовал постоянный политический заказ на разработку косовской проблемы, который выражался в появлении теоретических концепций, обосновывавших сербское присутствие в Косове и Метохии, а также практических программ действий по сохранению сербского влияния в этом регионе. Предполагалось использовать местные сербские учреждения, а также церковные структуры [Тимофеев, 2007: 40-45].

В этих программах албанцы-мусульмане рассматривались как враждебные сербам элементы. Вместе с тем албанцев-католиков и лидеров албанского национального движения считали возможными союзниками и партнерами [Тимофеев, 2007: 50-65].

Таким образом, сербская политика конца XIX – начала XX вв. в Косове и Метохии обуславливалась как чисто прагматическими, так и идеалистическими мотивами, она воплощалась в теоретических разработках и в практической программе действий. Албанский фактор в сербских планах рассматривался и с позиций противодействия «албанской угрозе», и с позиций извлечения выгоды от сотрудничества.

Список литературы

1. Башмаков А. Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913.

2. Искендеров П. А. Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.
 3. Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. Под ред. Г. Л. Арша. М., 1992.
 4. Тимофеев А. Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда, 1878-1912. СПб., 2007.
-

Мария Аль-Сальхад

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
mari.alsalkhadi@mail.ru*

Церковь и религия у сербов во второй половине XIX века

Рад садржи осврѣи на исѣорију Срѣске цркве у друѣој љоловини 19. века. Између остѣалоѣ се ѣриказује да је за ово доба каракѣеристѣична модернизација љолийѣичкоѣ живѣѣа. Заѣѣо велики значај има ѣроблем улоѣе Срѣске ѣравославне цркве у ѣроцесу сѣваранѣа нове исѣоријске реалностѣи као и љодизанѣу сѣѣѣена релиѣиозностѣи срѣскоѣ народа. На крају следи закључак о сѣѣуацији у друшѣѣву и ѣравославной цркви у друѣој љоловини 19. века.

Церковь на протяжении веков была неотъемлемой частью истории национальных государств, в том числе и Сербии. Она не только сформировала национальное самосознание сербского народа, но и сумела в условиях иноземного господства сохранить его этническую идентичность и культуру, а также выполняла ряд государственных функций.

Во второй половине XIX века возникло независимое сербское государство, в котором была предпринята попытка провести модернизацию. В связи с этим особую остроту приобрела проблема места Сербской православной церкви в сербском государстве и роли религии в народном сознании.

На основе анализа конституций сербского княжества / королевства и законов о церковных властях можно проследить тенденцию правительства поставить Церковь и клир на службу государству [Колиненко, 2014]. Анализ

показывает, что многие вопросы собственно внутрицерковной жизни приобретали государственный характер. Власть, с одной стороны, отдавала дань уважения сакральной миссии Церкви, а с другой стороны, включала её в рамки государственного аппарата.

При исследовании церковной жизни сербского княжества / королевства во второй половине XIX века привлекает внимание личность человека, не только занимавшего высший церковный чин на протяжении большей части этого периода, но и проявившего себя как яркий и плодотворный деятель. Речь идёт о митрополите Михаиле. Он занимался богословскими трудами, вопросом преданности церковному служению духовенства, развитием богословского образования, расширением количества приходов, увеличением числа священнослужителей, участвовал в разработке «Закона о церковных властях» 1862 г. Важным направлением для него было создание автокефальных церквей. Он поддержал болгар в их борьбе за Болгарский экзархат. Самой главной его заслугой стало обретение Сербской православной церковью автокефалии в 1879 г. [Шемякин, 1997]

Для понимания роли Сербской церкви в обществе необходимо рассматривать её в связи с религиозным сознанием сербов, их образом жизни. По воспоминаниям путешественников, в сознании сербского народа слились два понятия – «нация» и «религия» [Шемякин, 2009]. Процесс слияния этих понятий начался задолго до рассматриваемого периода. Это связано как с особенностями административной политики Османской империи, так и с консолидирующей ролью Церкви. Это можно выразить простой формулой: серб – значит православный, православный – значит серб.

Следует обратить внимание на то, что сербское общество в изучаемый период сохраняло аграрно-патриархальный характер. Поэтому форма в сознании сербов нередко преобладала над содержанием, а уровень религиозности (с точки зрения готовности выполнять канонические требования) оставался крайне низким [Радић, 2009].

Подводя итог, можно сказать, что положение Сербской церкви во второй половине XIX в. показывает, что сербское государство стремилось к модернизации, а в обществе консервировались устойчивые стереотипы патриархального строя.

Список литературы:

1. Колиненко Ю.В. Правовое положение сербской православной Церкви и органы государственного регулирования в Сербии XIX – начала XX века // Преподаватель XXI век, 2014. № 1. С. 294-300.
2. Радич Р. Народна веровања, религија и спиритизам у српском друштву 19. и у првој половини 20. века. Београд: Институт за нову историју Србије, 2009.
3. Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Књ. 2. Београд: БИГЗ, 2002.
4. Чуркина И.В. Влияние религии на формирование южнославянских наций // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2009. №4. С. 161-197.
5. Шемякин А.Л. В плену у традиции: русские путешественники о Сербии и сербах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сборник научных трудов, Н. Новгород, 2009. С. 120-136.
6. Шемякин А.Л. Сербский митрополит Михаил. Годы изгнания (1883-1889) // Церковь в истории славянских народов. Балканские исследования, 1997. Вып. 17. С. 259-272.

Толстихин Тимофей

*Институт славянской культуры Российского государственного университета
имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)*

tolstikhin.timofei@mail.ru

Специфика русско-сербских взаимоотношений в межвоенный период 1918 – 1941 г.

РСФСР (касније СССР) и КСХС (касније Краљевина Југославија) од тренутка када су се из ровова Великог рата појавиле на светској сцени од 1914-1918 до почетка Другог светског рата нису имали снажне дипломатске односе све до раних 1940-их. Заоштравање на светској политичкој арени услед заузимања Треће француске републике и њене предаје Трећем рајху 1940. године,

као и предстојећа нестабилност унутар државе услед присуства неколико супротстављених коалиција, условили су преиспитивање политике владе Краљевине Југославије у односу на СССР, успостављање дипломатских односа са њим и званично признање актуелне власти.

Взаимоотношения между Россией и Сербией в период с 1838 года и поныне менялись в зависимости не только от политических ситуаций на мировой арене, но и внутри данных государств. Особенно напряжённым периодом взаимоотношений можно считать межвоенный период с 1918 по 1941 год.

С момента провозглашения РСФСР в 1918 году отношения с Сербией (впоследствии Югославией) носили негативный характер ввиду заключения Брест-Литовского мирного договора между Советской Россией и Центральными державами. Осложняло ситуацию наличие белой эмиграции на территории Югославии, а также заявления представителей от РСФСР о статусе Черногории в составе королевства на Генуэзской конференции [Иоффе, 1922: 58]. Ситуацию усугубляла Коммунистическая партия Югославии, чьи радикальные идеи перечили основной политике страны, так и деятельность Коминтерна [Никифоров, 2011: 297].

В первой четверти XX века большая часть стран Европы официально признали СССР, однако королевство Югославия среди оных не числилась, однако это никак не влияло на взаимоотношение стран. В 1940 после официального признания СССР, началось масштабное взаимодействие между сторонами [Решин, 1998: 310]. Но вновь был поднят вопрос политических отношений ввиду увеличения в Югославии прогерманских сил и возможность подписания антикоминтерновского пакта ввиду влияния извне странами «Оси».

Однако к 1941 году правительство королевства было поставлено перед фактом, поэтому подписали договор. СССР пытался препятствовать подписанию пакта, предложив взамен военный союз и гарантию независимости, однако наличие прогерманских сил не давало таких возможностей. Но военный переворот в марте 1941 года изменил ситуацию. Новое правительство, осознав своё шаткое положение, обратилось к СССР за помощью в военной сфере: поставка вооружения, подписание договора о

дружбе и взаимосотрудничестве [Эман, 2018: 470]. Однако это не смогло спасти королевство от вторжения стран «Оси». Правительство СССР выразило ноту недовольства, а после разорвала все дипломатические отношения с Югославией, восстановив их лишь после вторжения Третьего Рейха и его союзников на свою территорию в рамках плана «Барбаросса», а уже к концу войны уже с коммунистической партией, которая после войны провозгласит Социалистическую Федеративную Республику Югославия.

Таким образом, разновекторность внутренней и внешней политики, а также государственного устройства в межвоенный период 1918 – 1941 г. создали специфику хрупких русско-сербских взаимоотношений.

Список литературы:

1. А. А. Иоффе (В. Крымский) / Генуэзская конференция. - М.: Красная новь, 1922. - С. 58 – URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/22430#mode/inspect/page/62/zoom/4>
2. К. В. Никифоров (отв. ред.), А. И. Филимонова, А. Л. Шемякин и др. / Югославия в XX веке: очерки политической истории - М.: Индрик, 2011. — С. 297 – URL: <https://djvu.online/file/YHPQNCOpvnNIS>
3. Решин Л.Е. 1941 год / Россия XX век. Документы. В 2 книгах. М., 1998. Кн. 1. С. 310-311
4. Эман Е.И. 2018.05.023. Животич А. Югославско-советские отношения: 1939-1941. Животић а. југословенско-совјетски односи 1939-1941. - Београд: Филип Вишњић, 2016. - 470 С. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический, С. 138-141 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2018-05-023-zhivotich-a-yugoslavsko-sovetskie-otnosheniya-1939-1941-zhivoti-a-ugoslovensko-sovjetski-odnosi-1939-1941-beograd-filip-vish-i/viewer>

Мищаненко Дмитрий

*Исторический факультет Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
22dima06@gmail.com*

Гувернаторат Далмације за време Другог светског рата 1941-1943)

6. априла 1941. немачка авијација је извршила бомбардовање Београда, након чега је уследила инвазија на Југославију. Италијанске трупе су заузеле читаво југословенско приморје. У мају 1941. су у Риму вођени преговори између Бенита Мусолинија и Анта Павелића. Као резултат су Италији припале Ријечка и Љубљанска покрајине, као и север Далматинске обале.

18. маја 1941. издати су и краљевски укази о припајању нових територија Краљевини Италији, тамо се шаљу покрајински префекти да успоставе цивилну власт на новостеченим територијама. Далматинске територије су добиле статус гувернатората. Он је подељен на три провинције: Дзара, Спалато и Катаро. Гувернаторат се простирао на 5.242 км², што је чинило 35% територије историјске регије Далмације, са 380.000 становника и малом густином насељености од 61,6 становника по км². Број Италијана је процењен на 38.000 или 10% од укупног броја становништва [Rodogno, 2003, 78-80].

7. јуна 1941, након формирања цивилне управе у региону, Ђузепе Бастианини је постављен за гувернера. Он је жестоко поступао према Србима и Хрватима који су се противили прикључењу Италији. [Dizdar, 2004: 189-200] Бастианини је 11. октобра 1941. основао Далматински ванредни суд. 27. јуна 1942. наредио је стварање концентрационог логора Мелада на острву Мљет. С друге стране, стварањем гувернатората Далмација, што је велике делове територије ставило под директну јурисдикцију Италије, омогућено је спасавање великог броја Јевреја. Око 4.000 Јевреја било је у концентрационом логору Арбе што их је спасило од депортације и сигурне смрти [Cattaruzza, 2007: 213].

Ђузепе Бастианини је одмах кренуо у масовну и насилну „италијанизацију“ припојених провинција. Ради управљања провинцијама упућивани су политички секретари фашистичке партије, представници разних конзорцијума и државних корпорација, довођени су наставници, општински радници, бабице и лекари [Zanussi, 1945: 233]. Италијански је уведен као

обавезан језик за чиновнике и наставнике, иако су словенски језици допуштени за комуникацију са цивилном администрацијом. Разни натписи на хрватском језику су замењени, забрањени су хрватски симболи, новине и плакати. [Восса, 1997: 404]. Италијански топоними су замењивали словенске: имена градова, улица и тргова брзо су италијанизована. Распуштени су културни и спортски клубови, уведен је римски поздрав, а враћена су и нека италијанска презимена.

Бастианини је смењен 14. фебруара 1943. године. На његово место послат је искусни администратор Франческо Ђунта. Нови гувернер је почео активно да користи репресивне полуге за сузбијање гериле, али је то довело до супротног резултата. „Италијанизација“ је пропала, било је све теже снабдевати војне трупе у Далмацији.

После Мусолинијевог пада 25. јула 1943. формирана је влада генерала Пјетра Бадолџа. Одлучено је да се гувернаторат Далмација распусти указом од 19. августа 1943. године. 9. Септембра је италијански део Далмације окупирала немачка војска. Али су 31. октобра 1944. године у Дзару ушли партизани. Ту се завршава вековна историја Италијана у далматинском приморју. Италија је настојала да интегрише далматинску територију, тотално, без икаквог прелазног периода, али је резултат рата био такав да су Италијани потпуно нестали из Далмације.

Список литературы

1. Bocca Giorgio. Storia d'Italia nella guerra fascista 1940-1943. Milano, 1997.
2. Rodogno Davide. Il nuovo ordine mediterraneo. Torino, 2003.
3. Cattaruzza Marina. L'Italia e il confine orientale, 1866-2006. Bologna, 2007.
4. Zanussi Giacomo. Guerra e catastrofe d'Italia. Roma, 1945-46.
5. Dizdar Zdravko. Italian policies towards Croats // Review of Croatian History №1, Zagreb, 2005, pp. 179-210.
6. De Felice Renzo. Mussolini l'alleato. Vol. I. L'Italia in guerra, 1940-1943. Tomo I: Dalla guerra «breve» alla guerra lunga. Torino, 1990.

Татьяна Рябчикова

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство), Институт славянской культуры
tanya604274@gmail.com

Функции и роль цветовых лексем в романе Милоша Црњанского «Дневник о Чарноевиче»

Чланак је посвећен функцијама и улози лексики повезане са бојама у роману Милоша Црњанског „Дневник о Чарнојевићу”. У чланку се разматрају најчешће помињане боје у роману да би се идентификовала функција коју обављају у различитим употребама конкретне боје. У ову сврху изабран је функционални приступ проучавању појмова боја. Приступ је усмерен на идентификацију идиостила писца, с обзиром на функције речника боја у одређеном тексту. На пример, у роману жути и румена углавном прате очај, болест, психичку нестабилност, али и опис природе, често у јесен; и тако даље.

Слова, обозначающие цвет — фундаментальный пласт лексики любого естественного языка.

Отрасль языкознания, изучающая цветовую лексику в языке, называют цветоведением. Помимо термина цветовая лексика в науке также используют колоратив, колороним, и другие. В сербской колористике используют «хроматска лексика» и «речи које означавају боје».

Различные подходы позволяют подробно изучить цветовую лексику. Один из них функциональный, с помощью которого можно определить функции лексики в конкретном художественном тексте, чтобы изучить подробно идиостиль писателя или поэта. [Осипова, 2011: 65-66].

Я. Е. Матросова выделяет свою классификацию функций колоронимов в текстах. Номинативная функция описывает цвет некоего предмета, не придавая ему дополнительного смысла. Из этой функции она также вычленяет собственно-номинативные цветообозначения и уточняюще-номинативные. Символическая функция ассоциирует цвет с другими понятиями и делится на три типа: архетипический, обозначающий универсальные ассоциативные связи;

авторский, и культурный. Наконец, Я. Е. Матросова выделяет образно-структурную функцию, по которой колоронимы сами по себе не добавляют нового смысла, но играют важную роль в организации и стилизации текста [Матросова, 2021: 15-18].

Колоронимы — продукт человеческой культуры. Например, в общеевропейской культуре белый ассоциируется с чистотой, красный — агрессией, т.п. Тем не менее, цвета не ощущаются всеми людьми одинаково, что рождает разные частные смыслы.

Основная идея экспрессионизма — изображение мироощущения автора, преобладающего над миропониманием. В результате этого, в текстах писателей присутствует много колоронимов.

В романе Милоша Црнянского «Дневник о Чарноевиче» поднимаются темы, охваченные философией суматраизма. Ее идеи были обозначены в написанном ранее автором манифесте «Объяснение Суматры». Она ставит созерцание природы и мечты о дальних краях выше жестокой реальности. Главный герой, Петар Райич, усвоил ее идеи. В результате этого в романе много пейзажей, следовательно, и колоронимов.

Прилагательные со значением желтого и красного цветов выражены лексемами «жут», «злат», «румен», «црвен», «крвав». Чаще всего они описывают природу или окружающий мир героев. Желтый и красный цвета сопровождают состояния отчаяния, болезни, смерти, психической нестабильности. Поскольку Петар Райич созерцает природу в попытках диссоциации с реальным и жестоким миром, это можно расценить как подсознательную оценку действительности. Также они дополняют его психологический портрет. По классификации Я. Е. Матросовой, цветообозначения выполняют все выведенные ею функции.

Лексемы «бео» и «црн» выполняют те же функции, но обладают другой оценкой. «Бео» связан с понятиями непорочности, мечты, грусти, и часто, но не всегда, отражает положительную оценку предмета или события Райичем. «Црн» связан со смертью и подчеркивает трагичность. Также оба цвета более популярны в портретах, чем в пейзажах.

«Зелен» и «плав», как цвета, ассоциируемые с природой, в романе сопровождают пейзажи. Их функция структурно-образная.

Список литературы:

1. Горн, Е. А. Терминологическая вариативность в наименовании языковых единиц, обозначающих цвет / Е. А. Горн // Актуальные проблемы современной лингвистики : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2015. – С. 40-45.
2. Матросова, Я. Е. Функции терминов цветообозначения в художественном тексте / Я. Е. Матросова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 1. – С. 14-21.
3. Осипова, О. В. "Цветовая" лексика и её коммуникативный потенциал / О. В. Осипова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2011. – № 1. – С. 65-71.
4. Црњански, М. Објашњење Суматре / Богдан Поповић, Слободан Јовановић// Српски књижевни гласник // Београд; Нова штампарија "Давидовић", 1920. – 643 с.
5. Crnjanski, M. Dnevnik o Čarnojeviću // BIGZ - Džepna knjiga, 1984. – 81 s.